
2014

ISSN 1987-5533

UDK (удк) – 34+32. 001

П – 685

L - 41

International scientific journal
LAW AND POLITOLOGY

Международный научный журнал
ПРАВО И ПОЛИТОЛОГИЯ

№ 25

Chisinau

January - 2014

Supreme Council on Science and Technological Development of the Academy of Sciences of Moldova and the National Council for Accreditation and Attestation of Moldova, recognized «Law and Politology» as a journal in law, political science, making part of “C” scientific journal (Decision no. 146 of 27 Jun 2013).

The journal “Law and Politology” is the periodical-scientific edition of the following academic partners

INSTITUTE OF EUROPEAN INTEGRATION AND POLITICAL SCIENCES OF ACADEMY OF SCIENCES OF MOLDOVA

GELATI ACADEMY OF SCIENCES (GEORGIA)

INSTITUTE ON HUMAN RIGHTS OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF AZERBAIJAN

EDITORIAL BOARD

Mariam Tsatsanashvili - doctor of Legal Sciences, Professor - co-chairman of editorial board (**Georgia**)
Ion Guceac - doctor of Legal Sciences, Professor - co-chairman of editorial board (**Republic of Moldova**)
Kamal Makili-Aliyev - PhD, doctor of Law - co-chairman of editorial board (**Republic of Azerbaijan**)
Guram Markhulia - PhD, doctor of History, ass. Professor (**Georgia**)
Namig Aliyev - doctor of Legal Sciences, Professor (**Republic of Azerbaijan**)
Hijran Huseynova - doctor of Political Sciences, Professor (**Republic of Azerbaijan**)
Ayten Mustafaeva - PhD, doctor of Law (**Republic of Azerbaijan**)
Victor Moraru - doctor of Political Sciences, Professor (**Republic of Moldova**)
Tariel Sikharulidze - PhD, doctor of Philology, ass. Professor in International Relations (**Georgia**)
Gheorge Costachi - doctor of Legal Sciences, Professor (**Republic of Moldova**)
Ruslan Shevchenko - PhD, doctor of History (**Republic of Moldova**)
Lew Spivak - Professor (**Israel**)
Irina Galayeva - LL.M, Master of International Law (**University of Lund, Sweden**) - academic secretary

COORDINATIVE-SCIENTIFIC COUNCIL

Lala Ahmadova - doctor of Philological Sciences (**Republic of Azerbaijan**)
Tamar Kiknadze - doctor of Political Sciences, Professor (**Georgia**)
Andrei Smochina - doctor of Legal Sciences, Professor (**Republic of Moldova**)
Tariel Sikharulidze - doctor of Philological Sciences, Professor (**Georgia**)
Kamil Salimov - doctor of Legal Sciences, Professor (**Republic of Azerbaijan**)
Anzor Totadze - doctor of Economics Sciences, Professor (**Georgia**)
Victor Balmus - doctor of Law, conf. (**Republic of Moldova**)
Nazim Imanov - doctor of Economics Sciences, Professor (**Republic of Azerbaijan**)
Eliko Tsiklauri-Lamich - LL.D, doctor of Law, Professor (**Germany**)

The journal is being issued since 2007

Address: Chisinau,
Moldova. Tel/FAX: +37322270313,
E-mail: guceac@mail.ru

The magazine registered
16th of august in 2007.
Reg. № 2320

The authors opinion does not necessarily coincide with position of editors

Решением Высшего Совета по Науке и Технологическому Развитию Академии Наук Молдовы и Национального Совета по Аккредитации и Аттестации журнал «Право и Политология» признан как издание в области права и политологии, относящееся к научным журналам категории «С» (решение № 146 от 27 июня 2013 года).

Журнал «Право и политология» является периодическим изданием научных партнеров

**ИНСТИТУТ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ И ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК
АКАДЕМИИ НАУК МОЛДОВЫ**

**ИНСТИТУТ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНА**

ГЕЛАТСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК (ГРУЗИЯ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Марнам Цацанашвили - доктор юридических наук, профессор - сопредседатель редколлегии (Грузия)
Ион Гучак - доктор юридических наук, профессор - сопредседатель редколлегии (Республика Молдова)
Камал Макили-Алиев - доктор философии в праве — сопредседатель редколлегии (Азербайджанская Республика)
Гурам Мархулия - доктор истории, ассоциированный профессор (Грузия)
Намик Алиев - доктор юридических наук, профессор (Азербайджанская Республика)
Хиджран Гусейнова - доктор политических наук, профессор (Азербайджанская Республика)
Айтян Мустафаева - доктор философии в праве (Азербайджанская Республика)
Виктор Морару - доктор политических наук, профессор (Республика Молдова)
Тариел Сихарулидзе - доктор филологии, ассоциированный профессор по международным отношениям (Грузия)
Георгий Костаки - доктор юридических наук, профессор (Республика Молдова)
Руслан Шевченко - доктор истории (Республика Молдова)
Лев Спивак - профессор (Израиль)
Ирина Галаева - магистр международного права Лундского (Швеция) университета - ученый секретарь

НАУЧНО-КООРДИНАЦИОННЫЙ СОВЕТ

Лала Ахмедова - доктор филологических наук (Азербайджанская Республика)
Тамара Кикнадзе - доктор политических наук, профессор (Грузия)
Андрей Смокинэ - доктор юридических наук, профессор (Республика Молдова)
Тариел Сихарулидзе - доктор филологических наук, профессор (Грузия)
Камиль Салимов - доктор юридических наук, профессор (Азербайджанская Республика)
Анзор Тотадзе - доктор экономических наук, профессор (Грузия)
Виктор Балмуш - доктор права, доцент (Республика Молдова)
Назим Имамов - доктор экономических наук, профессор (Азербайджанская Республика)
Элико Циклаури-Ламих - доктор права (Германия)

Журнал выходит с 2007 года
Адрес: Кишинэу, Молдова
Тел/ФАХ: +373 22270313,
E-mail: guceac@mail.ru

Журнал зарегистрирован
16 августа 2007 г.
Регистрация № 2320

Мнение авторов не всегда совпадает с мнением редакции

CONTENT

12.00.00 LEGAL SCIENCES

Azay GULIYEV

COMPARATIVE VIEW ON CIVIL SOCIETY RELATIONS6

Alexander SOSNA

HUMAN RIGHTS AND FREEDOMS PROTECTED BY THE CONVENTION
FOR THE PROTECTION OF HUMAN RIGHTS AND FUNDAMENTAL
FREEDOMS AND ITS PROTOCOLS9

Vitalii GORDEEV

THE DEFECTS OF JURIDICAL FACTS OF ADMINISTRATIVE
LEGAL PROCEEDINGS IN UKRAINE: THE CONCEPT AND
GROUNDS CLASSIFICATION12

Zayr ALIYEV, Najiba MUSTAFAYEVA

INTERNATIONAL PROTECTION OF HUMAN RIGHTS: THE PRESENT
SITUATION AND THE EXISTING MECHANISMS16

Kamal MAKILI-ALIYEV

PROBLEMS OF INTERNATIONAL CRIMINAL LAW IN
THE NAGORNO-KARABAKH CONFLICT20

23.00.00 POLITICAL SCIENCES

Tomris VALIYEVA

EUROPEAN UNION'S MISSION IN GEORGIA AND THE
MOLDOVAN-UKRAINIAN BORDER26

Natalia PROBYGOLOVA

GENESIS AND EVOLUTION OF MYTHOLOGICAL FORMS WITHIN
ORGANIZATION OF POLITICAL LIFE31

Victor MORARU

INTERNATIONAL ECONOMIC COOPERATION: ASPECTS OF
STRATEGIC DEVELOPMENT37

Rahim SULTANOV

CIVIC EDUCATION – THE BASIS OF MODERNIZATION OF DEMOCRATIC
REPUBLIC OF AZERBAIJAN41

Tudor PINZARU

CIVIC PARTICIPATION: FORMS PRINCIPLES AND
CONDITIONS OF EFFICIENCY44

Guram MARHULIYA

HISTORICAL ASPECTS OF RELOCATION AND SETTLEMENT OF
ARMENIANS IN GEORGIA50

СОДЕРЖАНИЕ

12.00.00 ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Азай ГУЛИЕВ

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД НА ОТНОШЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА 6

Александр СОСНА

ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА, ЗАЩИЩАЕМЫЕ КОНВЕНЦИЕЙ О
ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВНЫХ СВОБОД И
ПРОТОКОЛАМИ К НЕЙ 9

Виталий ГОРДЕЕВ

ДЕФЕКТЫ ЮРИДИЧЕСКИХ ФАКТОВ В АДМИНИСТРАТИВНОМ
СУДОПРОИЗВОДСТВЕ УКРАИНЫ: ПОНЯТИЕ И ОСНОВАНИЯ
КЛАССИФИКАЦИИ 12

Заур АЛИЕВ, Наджиба МУСТАФАЕВА

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: СОВРЕМЕННОЕ
ПОЛОЖЕНИЕ И ДЕЙСТВУЮЩИЕ МЕХАНИЗМЫ 16

Камал МАКИЛ-АЛИЕВ

ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО
ПРАВА В НАГОРНО-КАРАБАХСКОМ КОНФЛИКТЕ 20

23.00.00 ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Томрис ВЕЛИЕВА

МИССИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В ГРУЗИИ И НА
МОЛДАВСКО-УКРАИНСКОЙ ГРАНИЦЕ 26

Наталия ПРОБЕЙГОЛОВА

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ФОРМ В
ОРГАНИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ 31

Виктор МОРАРУ

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: АСПЕКТЫ
СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ 37

Рагим СУЛТАНОВ

ГРАЖДАНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ – ОСНОВА ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ
МОДЕРНИЗАЦИИ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ 41

Тудор ПЫНЗАРУ

ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ: ФОРМЫ, ПРИНЦИПЫ И
УСЛОВИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ 44

Гурам МАРХУЛИЯ

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ И ПОСЕЛЕНИЯ
АРМЯН В ГРУЗИИ 50

Azay GULIYEV,
candidate for degree (dissertant), Baku State University

COMPARATIVE VIEW ON CIVIL SOCIETY RELATIONS

Some theorists have put forth economic-political factor as a major issue in societal development. But it's clear that in order to enable citizens to effectively participate in political life, first of all freedom of expression (thought, speech, conscience, religion, lifestyle) should be ensured [1, p.115]. Civil society in its turn is the most realistic system that can ensure this freedom. This system is comprised of free functioning of citizens both in political and economic as well as other fields. In other words we consider aimful expression of free thought and its exercise in the condition of civil society formation.

Researcher T. Julia argues: "People should constantly accomplish in various areas in order to build civil society. In this regard NGOs must work with society harmoniously, demonstrate active position in all crucial areas. When necessary they should conduct surveys and identify priorities, because these organizations work with people. It is important to learn their reactions and areas of interest. The world is constantly evolving and it should be taken into account" [2, p. 135].

In the modern-day world issue of civil society has a special place among fundamental scientific matters and it has been given a lot of attention by the greatest geniuses throughout centuries. This issue came about as a result of establishment of state and separation of human activities into state and non-state spheres.

In modern-day world authority – society relations have become one of major issues and caused numerous social conflicts, political upheavals and revolutions. Nowadays this issue constitutes foundation of global public changes that are taking place in many countries of the world and defines development perspectives of the world union.

The general definition of "civil society" was proposed for the first time in the 17th century in H. Grotius', T. Hobbes', J. Locke's works. But forerunners of this notion existed much earlier. This definition first referred to social reciprocity environment in the 17th century, however in the 19th century it was used to categorize social phenomenon existent in parallel with the notion of state. In its various forms of expression, civil society has served to define political thought during the last 200 years by referring to communal and individual elements [3, p. 18].

Notion of civil society has been further developed in J. Rousseau's, C. Montesquieu, W. Humboldt's works. They were no longer treating state or forms of governance on equal terms with civil society.

As an example let me talk about ideas on civil society that were put forward by philosophers who lived in previous centuries:

Strategy for pursuing real civil society first of all starts from appreciating human as supreme value, ensuring his/her rights and freedoms as well as security. At the same time advantages of civil society are the following: there are necessary norms and regulations, measured relations, civilized co-existence and other rational attributes that are put in place [14, p. 9].

I. Kant in his turn has noted following principles of the emergence of civil society: 1. Freedom of each member of society; 2. Equality of rights among citizens; 3. Freedom of each member of society as a citizen.

Kant also conducted extensive research on topics ranging from individualism and society, discussed a number of important ideas which identified main directions of civil society. We should note that in Western sociology especially Kant's works have analyzed substantially the issues related to individual and public spheres in respective representational styles. In his works individual sphere of morality and ethics is differentiated from characteristic view of society as legal community [5, p. 217].

Notion of civil society allows demonstrating the ratio between public ideal and real situation of society [6, p. 342].

According to Hegel civil society makes up the link between the scattered and spread around individuals and the most supreme form of organization of mankind, state [7, p. 211].

As he explains, civil society is such an environment where the idea of freedom participates only in its "abstract moment", as an "internal necessity" [8, p. 123]. He claims that public law is intertwined with personal ethics. Therefore independence of Modern National State can be strengthened and developed through the greatness and power of civil society. These are the cyclic principles of modern world political process.

COMPARATIVE VIEW ON CIVIL SOCIETY RELATIONS

We should note one more point here; philosophers such as Karl Popper claim: "Hegel in fact was against domination of democratic principles in society" [9, p. 61].

In general, according to the theories put forward by the aforementioned Western thinkers, the government that is established with the participation of the citizens and promised to be obeyed by them is considered lawful (theory of a state creation by consensus). However, supporters of this theory are well aware that, in reality, a state makes a civil society obey him and the absolute monarchy, which is recognized as the unique form of power by the majority throughout the world, is, in fact, in contradiction with a civil society meaning that it cannot act in the role of civil administration [10, p. 312]. In its turn, it tells us that even at that time "the concept of civil society" brought notions such as the consent of citizens, consideration of interests and their realization together in itself.

It should be noted that when commenting on this issue many theorists, philosophers and thinkers paid a special attention to the human factor and emphasized the effective role of the members of society in the civil society building.

Nevertheless, there were also thinkers like S. Freud who described people just as the individuals been exposed to external influences and determinism by ignoring their volitional functioning [11, p. 133]. In fact, this theory means denying people's exceptional role that they play in the state and society and imagining the society as a passive mass. In our opinion, such approach cannot be considered realistic.

A civil society is the objective reality. No political regime is in the position to abolish, or to eliminate it. The level of development of a civil society directly depends on public relations and links which constitute its essence in different stages. Governance may change the form of civil society, restrict functioning of its elements, as well as reduce the autonomy and independence of the individuals and social groups to the minimum. Nevertheless, a state is not in the position to compulsorily abolish people's material and spiritual life, as well as the social groups and the activity pertaining to the social objects.

"Civil society" indicates non-governmental, public relations and institutional system that allows a human being to perform their civil rights, as well as represents different interests, needs and values of the members of society. A civil society is not a social space that is isolated from the state and is in opposition with it in some form. On the contrary, a civil society and a state are in close interaction, because a modern state is obliged to be in contact with civil values and institutes when implementing management and intermediary functions [12, p. 75]. Thus, creation of a legal state in this or other country is realized and is settled positively. In this regard, we can sometimes agree with the idea that "civil society and legal state are the faces of the same coin" which is put forward by the theories.

"Non-state" and "non-governmental" terms, which are considered the main attribute of the civil society, highlight the attitude of these organizations towards the state bodies and thus demonstrate that they don't depend on government and they are independent [13, p. 13]. On the

other side, a number of public elements combine with the state structures and civil society in unique network. A party representing the governance can be shown as an example for this. Such a party, in addition to being grown up by the civil society, is also in close interaction with the state through its operation. Thus, the state and civil society are inseparable unity and they constitute two parts of a single social organism. A civil society with the normal development level enables environment for inter-personal relations, provision of different interests and demands of the social individuals. In comparison to the state, the degree of independence of the institutes constituting a civil society has a crucial impact on division of power and the characteristics of the governance in the society. In such society, governance cannot be assembled in one person's hand.

Therefore, it comes out that the whole community including both the "upper" and "lower" layers, as well as all components establishing the social system should participate in the civil society building. In some cases, there are attempts from the "upper" section to establish a civil society through political elite [14, p. 66].

A civil society possesses reasonably complex and systematic internal structure. D. Zerkin writes: "For this field, not vertical and hierarchical, but horizontal and non-governing relations are characteristics. The latter are reasonably different and consist of three layers. [15, p. 68].

The first later includes economic relations formed on the basis of economic pluralism by providing protection of the interests of the individuals and society. To ensure full activity of the civil society, each of its members should possess a concrete property and have a right to use this property freely.

Property ownership could be both individual and collective providing that each member of the collective indeed have a property. In brief, existence of the property constitutes one of the democratic and liberal preconditions of the personal freedom in both civil and another type of society.

The political elements of the civil society also start its formation gradually when liberal political thinking in the property relations is developing.

Democratic environment contributes to the realization of those interests, while their realization itself supports the establishment of the civil society.

In general, the civil society itself brings various social and political subjects together which in some explicit and implicit situations lead to conflicts and confrontations. Elimination of such situations and, in some sense, provision of social harmony cannot be considered as the voluntary duty of the citizens. In such case, individual-individual, individual-society relations may require functional regulation through legislative way.

A civil society can also be characterized as the system of non-political public relations and institutes. This turns the genesis of the society into the system of smooth economic, socio-political, religious, spiritual, cultural, domestic and other relations, as well as expresses the will of the citizens in the community.

On the other side, none of the states can be consi-

Azay GULIYEV

dered democratic state without a prosperous civil society building. Successful development of this process in newly

independent states is realized through active participation of the III sectors.

Bibliography:

1. Dahl R. Demokratiya haqqında. - Bakı: İqtisadi və Siyasi Araşdırmalar Mərkəzi, 2004. - 248 s.
2. Taft Julia. "Non-Governmental Organizations: the voice of the people an interview with assistant secretary of State." // U.S. Foreign Policy Agenda An Electronic Journal of the U.S. Department of State, Vol. 5, No. 1, March 2000.
3. Tağıyev Ə.M. "İnsan və siyasət". - Bakı "MBM" MMC, 2005. - 188 s.
4. "Heydər Əliyev yolu: Azərbaycan inkişafın yeni mərhələsində". - Azərbaycan: Bakı, 2007. - 862 s.
5. Kant İmmanuel. The Methaphysical Elements of Justice. Pt. I of The Metaphysics of Morals (1794), trans. J. Ladd. - New York: Bobbs-Merrill. - 1965.
6. Politologiya, izahlı lüğət. Bakı: Şərq-Qərb, 2007, s. 351.
7. Гегель Г. Сочинения в 14 т. - Москва, 1929-1956. Т.7 (1934).
8. Hegel G. W.F. Elements of the Philosophy of Right. - Cambridge: Cambridge University Press, 1991, Para 184.
9. Поппер К. Открытое общество и его враги. В 2-х тт. Т.2. Москва, 1992. - 525 с.
10. Хьем Л., Зиглер Д., Теории личности, Основные положения, исследования и применения. - Санкт-Петербург: Питер, 2002.
11. Cohen, J. Strategy or Identity: New theoretical paradigms and contemporary social movements. Social Research, 1985, p. 663-716.
12. Налогообложение некоммерческих организаций. - Киев: Международный Центр Некоммерческого права, 2001. - 328 с.
13. Вəhmənli V. "Vətənin İlhamı" ömürdən reportaj. - Bakı: Çağdaş As, 2011. - 310 s.
14. Easton D. Framework for political analysys. - Chikago: L, 1979.
15. Зеркин Д. Основы политологии. Курс лекций. - Ростов н/Д: Феникс, 1997. - 211 с.

Резюме

В данной статье речь идет о том, что современная мировая проблема, касающаяся гражданского общества, занимает особое место среди фундаментальных научных вопросов. Также уделяется много внимания величайшим гениям на протяжении веков. Этот вопрос возник в результате создания государства и разделения деятельности человека в государственных и негосударственных сферах.

Стратегия преследует изучение реального гражданского общества, в первую очередь, начиная с оценки человека как высшей ценности, обеспечения его / ее правами и свободами, а также безопасностью. В то же время указываются преимущества гражданского общества: наличие необходимых норм и правил, установленных отношений, цивилизованного сосуществования и других рациональных атрибутов.

Гражданское общество также можно охарактеризовать как систему неполитических отношений и институтов с общественностью. Это преобразует генезис общества в систему экономических, социально-политических, религиозных, духовных, культурных, бытовых или иного рода отношений, а также выражает волю граждан в обществе.

С другой стороны, ни одно из государств не может считаться демократическим государством без построения процветающего гражданского общества. Успешное развитие этого процесса в новых независимых государствах реализуется при активном участии секторов III.

Ключевые слова: Государства, гражданское общество, генезис общества, демократическая государство, развитие общества, политическая жизнь.

Александр СОСНА,

доктор права, преподаватель юридического факультета Государственного университета Молдовы.

ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА, ЗАЩИЩАЕМЫЕ КОНВЕНЦИЕЙ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВНЫХ СВОБОД И ПРОТОКОЛАМИ К НЕЙ

Европейский суд по правам человека (в дальнейшем – ЕСЧП) может рассматривать жалобы, подпадающие под его компетенцию. Сюда относятся, прежде всего, предметная компетенция (*ratione materiae*). Суд вправе принять к своему рассмотрению жалобы на нарушения прав и свобод человека, которые перечислены в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и протоколах к ней. Суд не принимает жалобы к рассмотрению как находящиеся вне пределов своей компетенции, так и при нарушении прав, не входящих в перечень Конвенции или протоколов к ней [1, с. 254].

Несмотря на то, что нормы Конвенции имеют общий, неконкретизированный характер, их буквальное прочтение не дает четкого представления о предметной компетенции Европейского суда. И здесь необходимо напомнить о роли самого Суда в толковании норм Конвенции. Зачастую именно он определяет предмет судебного разбирательства, а значит, и область такого разбирательства в каждом конкретном случае [2, с. 19].

Следует отметить, что идея международно-правовой защиты прав человека возникла после второй мировой войны и впервые была выражена во Всеобщей декларации прав человека ООН в 1948 году. Через два года, в 1950 году, Европа повторила и развила нормы этого документа, создав Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод [3, с. 390].

Ценность Конвенции заключается и в самоисполняемости её норм, очень четко определяющих обязательства государств-участников. Конвенция постоянно дополняется и изменяется путём принятия новых протоколов к ней, постоянно расширяя сферу конвенционной защиты [4, с. 1009].

Дополнение Конвенции протоколами свидетельствует о том, что «Конвенция – это не застывший монумент, а живой организм, подтвержденный прогрессивным влиянием» [5, с. 159].

Перечень установленных в Конвенции прав и запретов на их нарушения достаточно широк. Для защиты названных прав и свобод необходимо

представлять, какое содержание вкладывает в них Конвенция. Уяснить это позволяет как сам текст Конвенции и протоколов к ней, так и анализ решений Суда по конкретным делам [6, с. 11].

Что касается анализа норм Конвенции, необходимо отметить её одну структурную особенность, которая заключается в том, что это нормы-диспозиции, и в них нет указания на санкцию. Но это не значит, что санкции нет. Конвенция предусматривает ее как общую для всех этих норм. Она содержится в статье 41 «Справедливая компенсация». Признав, что имело место нарушение Конвенции, Суд вправе присудить потерпевшей стороне денежную компенсацию, которую ей обязано выплатить в трехмесячный срок государство-ответчик.

Нужно отметить, что в тексте Конвенции, в её первом разделе, нет какой-либо четкой структурной классификации гарантируемых прав и свобод. Тем не менее, они могут быть разбиты на три группы, соответствующие в основном классификации, используемой в конституционном и международном праве [7, с. 18].

Первую группу составляют так называемые судебные гарантии. В обобщенном виде в Конвенции это названо «право на свободу и безопасность» и «справедливое судебное разбирательство», куда относятся:

- 1) право лица в случае ареста или задержания незамедлительно предстать перед судом для рассмотрения вопроса о законности ареста или задержания;
- 2) право лица на компенсацию в случае незаконного ареста или задержания;
- 3) запрет содержания лица под стражей без достаточных оснований в период предварительного следствия;
- 4) запрет бесчеловечного, унижающего достоинство обращения с лицом, содержащимся под стражей;
- 5) запрет лишения свободы за невыполнение договорного обязательства;
- 6) право беспрепятственного доступа к правосудию;
- 7) право на независимый и беспристрастный суд;

Александр СОСНА

8) гарантия равенства сторон судебного процесса и принципа состязательности;

9) право на гласность судебного процесса;

10) право на судебное разбирательство в разумный срок;

11) право обвиняемого на защиту, включая право на назначение при отсутствии у него средств бесплатного защитника;

12) право на бесплатного переводчика при невладеии языком процесса;

13) презумпция невиновности;

14) запрет смертной казни в мирное время;

15) запрет повторного осуждения и наказания за одно и то же деяние (*non bis in idem*);

16) запрет обратного действия нового уголовного закона или уголовного закона, утяжеляющего наказание;

17) право на пересмотр приговора или меры наказания вышестоящей судебной инстанцией;

18) право на компенсации в случае судебной ошибки.

Следующую группу составляют личные права. Данную группу открывает самое главное и неотъемлемое право каждого человека – право на жизнь, которое нужно рассматривать в неразрывной связи с Протоколом № 6 «Относительно отмены смертной казни». В этой группе также встречаются отдельные права экономического и социального характера, но основная их масса – предмет Социальной Хартии. К группе личных прав относятся:

1) право на жизнь;

2) запрет рабства и принудительного труда;

3) право на уважение частной жизни;

4) право на уважение жилища;

5) право на уважение корреспонденции;

6) запрет незаконного прослушивания телефонных переговоров;

7) запрет оглашения сведений о личной жизни лица без его согласия;

8) запрет воспрепятствованию подаче индивидуальной жалобы в Европейский суд;

9) право на вступление в брак;

10) право на уважение семейной жизни;

11) равноправие супругов;

12) права детей, рожденных вне брака;

13) свобода мысли, совести и религии;

14) право на образование;

15) право на беспрепятственное пользование своим имуществом; запрет неправомерного отчуждения собственности.

К третьей группе прав и свобод человека, нарушение которых дает право на обращение в ЕСПЧ, относятся следующие права и свободы человека, которые называются политическими и гражданскими:

1) право получать и распространять информацию;

2) свобода мирных собраний и шествий;

3) запрет пропаганды социальной, расовой, национальной, религиозной ненависти;

4) право на свободное создание ассоциаций, включая профессиональные союзы;

5) право на свободные периодические выборы;

6) право на свободу передвижения и выбора места жительства;

7) запрет высылки государством своих граждан;

8) запрет лишения гражданина права на въезд на территорию его государства;

9) запрет коллективной высылки иностранцев;

10) процессуальные гарантии в случае высылки иностранцев;

11) гарантии в случае экстрадиции.

А. М. Эрделевский предлагает другую классификацию прав и свобод Конвенции [8, с. 11]:

1) нормы, направленные на охрану жизни и здоровья человека (право на жизнь, отмена смертной казни, запрещение пыток);

2) нормы, направленные на охрану достоинства, независимости и равноправия людей (запрещение рабства и принудительного труда, запрещение дискриминации и др.);

3) нормы, направленные на охрану развития и свободы самовыражения человека (свобода мысли, совести и религии, свобода выражения мнения и др.);

4) нормы, направленные на охрану политических свобод (свобода собраний и объединений и др.);

5) нормы, направленные на охрану личной свободы и обеспечения судебной защиты прав и свобод (ст. 5, 6, 7, 13 и др. ЕКПЧ);

6) нормы, направленные на охрану свободы передвижения и выбора места жительства: (свобода передвижения; запрещение высылки граждан и др.);

7) нормы, направленные на защиту имущественных прав (защита собственности).

Также необходимо отметить, что Конвенция не предусматривает какую-либо иерархию между правами, гарантируемыми ею. В некоторых обстоятельствах при интерпретации одного права необходимо соблюдать баланс по отношению к другим правам Европейской конвенции [9, с. 47].

В рамках научного исследования, обращается внимание на некоторые недостатки классификации прав и свобод Европейской конвенции. Структурные проблемы данной классификации проявляются в отсутствии четкой иерархии правовых норм, в том, что некоторые права, принадлежащие одной категории, разбросаны по Конвенции или даже встречаются в дополнительных протоколах к ней. В первую очередь должны быть перечислены личные права человека, затем его политические, социально-экономические и культурные права.

Сравнивая классификацию прав и свобод Конституции РМ 1994 года и ЕКПЧ 1950 года, по нашему мнению, классификация, закреплённая в Конституции РМ, является наиболее удобной, логической и последовательной. Так, в Конституции РМ права и свободы закреплены согласно следующим категориям:

- категория неприкосновенности (основные права, обеспечивающие жизнь человека, его физическую и психическую неприкосновенность, защиту его дома);

- категория социально-экономических и куль-

ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА, ЗАЩИЩАЕМЫЕ КОНВЕНЦИЕЙ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВНЫХ СВОБОД И ПРОТОКОЛАМИ К НЕЙ

турных прав (права, обеспечивающие культурное и экономическое развитие личности, позволяющие ему участвовать в общественной жизни государства);

- категория эксклюзивно-политических прав (права, используемые исключительно гражданами для участия в руководстве государством – избирательное право);

- категория социально-политических прав (права, которыми граждане пользуются по усмотрению, для того, чтобы свободно выражать своё мнение, участвовать в решении собственных, общественных и государственных проблем);

- категория прав-гарантий (право на подачу петиций, право лица, ущемлённого властью) [10, с. 43].

Анализируя права и свободы, закреплённые в Европейской конвенции и протоколах к ней, мы приходим к выводу, что ЕСПЧ не может рассматривать жалобы, касающиеся нарушений права на труд, что является важным правом для любого человека в процессе демократизации Молдовы [11, с. 130-131]. Также, ни Конвенция 1950 года, ни дополнительные протоколы к ней не предоставляют защиту прав потребителей. Эти пробелы могут быть устранены

путём принятия ещё одного дополнительного протокола, так как Конвенция – это живой организм, постоянно дополняющийся и развивающийся в соответствии с реальными требованиями времени и развития общественных отношений.

По мнению бывшего председателя ЕСПЧ Р. Рисдал, единообразная интерпретация положений Конвенции требуется только в той степени, в какой это необходимо для эффективного обеспечения минимальных стандартов по правам человека, установленных Конвенцией. При этом «ни один национальный суд не будет подвергнут критике за более широкую интерпретацию положений Конвенции, если она окажется более благоприятной для индивида, нежели трактовка этого положения Европейским судом» [12, с. 16].

Таким образом, предметная компетенция ЕСПЧ не является раз и навсегда установленной, а имеет постоянную тенденцию к развитию, к повышению уровня защиты индивида в постоянно расширяющемся европейском правовом пространстве.

Литература:

1. Сосна А. Защита нарушенных прав граждан Республики Молдова в ЕСПЧ. - Conferința științifică națională cu participare internațională. Creșterea impactului cercetării și dezvoltarea capacității de inovare. 21-22 septembrie. Vol 1. - Chișinău, 2011, с. 254.

2. Карабанов Е. С. Условия совместимости индивидуальной жалобы с положениями Европейской конвенции о защите прав и основных свобод. - Вестник Челябинского государственного университета, 2009, № 31, с. 19.

3. Ефименко О.С. Механизм судебной защиты прав человека. - Научные труды 6. - Москва: Российская академия юридических наук, 2006, том 2, с. 390.

4. Малиновский О.Н. Право на эффективное средство правовой защиты в свете Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и исполнительное производство. - Научные труды 6. - Москва: Российская академия юридических наук, 2006, том 2, с. 1009.

5. Игнатенко Г. В. Конвенция о защите прав и основных свобод в российской правовой системе: реальность и перспективы. - Московский журнал международного права, 1997, № 3, с. 159.

6. Малиновский О.Н. Право на эффективное средство

правовой защиты в свете Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и исполнительное производство. - Научные труды 6. - Москва: Российская академия юридических наук, 2006, том 2, с. 11.

7. Туманов В. А. Европейский суд по правам человека. Очерк организации и деятельности. - Москва: Норма, 2001, с. 18.

8. Эрделевский А.М. Обращение в Европейский суд. - Москва: Юристъ, 1999, с. 11.

9. Fistican E. Procedura și practica CEDO și alte tratate obligatorii pentru Republica Moldova. Cartea V. - Chișinău: Elan Poligraf, 2008, p. 47.

10. Кырнац Т. Юридическая защита прав человека, - Кишинэу: Реклама, 2005, с. 43.

11. Сосна А.Б. Проблемы защиты прав человека Европейским судом как составляющего элемента процесса демократизации Молдовы. - Тезисы республиканской научно-практической конференции, Комрат, 2005. - Кишинэу: Bons Offices, 2006, с. 130-131.

12. Рисдал Р. Проблемы защиты прав человека в объединённой Европе. - Защита прав человека в современном мире. Сборник статей. - Москва, 1993, с. 16.

Summary

In the present material, the important aspects of human rights and freedoms protected by the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms and its Protocols.

The author discusses some important classification of the rights and freedoms of the individual, the most successful, coherent classification is enshrined in the Constitution of the Republic of Moldova.

Keywords: Human rights, freedoms, competence, norms.

Виталий ГОРДЕЕВ,

кандидат юридических наук, доцент кафедры правосудия Черновицкого национального университета имени Юрия Федьковича, Украина

**ДЕФЕКТЫ ЮРИДИЧЕСКИХ ФАКТОВ В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ
УКРАИНЫ: ПОНЯТИЕ И ОСНОВАНИЯ КЛАССИФИКАЦИИ**

Задачей административного судопроизводства Украины является защита прав, свобод и интересов физических лиц, прав и интересов юридических лиц в сфере публично-правовых отношений от нарушений со стороны органов государственной власти, органов местного самоуправления, их должностных и служебных лиц, других субъектов при осуществлении ими властных управленческих функций на основе законодательства, в том числе на выполнение делегированных полномочий путём справедливого, непредвзятого и своевременного рассмотрения административных дел. Существуют случаи, когда выполнение указанной задачи осложняется наличием дефектных юридических фактов. Осмысление понятия и оснований классификации дефекта юридического факта необходимо для того, чтобы избежать юридико-фактических дефектных ситуаций. Поскольку отдельные научные исследования в этой сфере почти не проводились, данная тема является своевременной, целесообразной и актуальной.

Исследованию данного вопроса уделяли внимание такие учёные как В.Б. Аверьянов, С.С. Алексеев, В.М. Бевзенко, И.П. Голошниченко, В.Б. Исаков, В.К. Колпаков, О.В. Кузьменко, М.А. Рожкова, Е.П. Рябченко, А.А. Селиванов, М.И. Цуркан, А.М. Чувакова и др.

Цель данной статьи – исследование понятия и оснований классификации юридических фактов в административном судопроизводстве Украины. Для достижения указанной цели поставлены задачи проанализировать действующее законодательство, судебную практику и взгляды учёных на исследуемую проблематику.

Перед тем как исследовать вопрос дефектности юридического факта, необходимо раскрыть юридико-фактический понятийный аппарат. Так, юридические факты в административном судопроизводстве – это конкретные жизненные обстоятельства в форме действия или события, с которыми нормы права связывают юридические последствия, т.е. возникновение, изменение или прекращение правоотношений.

Процессуальные юридические факты в админис-

тративном судопроизводстве – это юридические факты, обеспечивающие процессуальную деятельность участников процесса, динамизм процессуальных отношений вследствие последовательного совершения процессуальных действий его субъектами, правильное русло судопроизводства, соблюдение процессуальной формы в административных делах.

Главной функцией юридических фактов является обеспечение возникновения, изменения, прекращения правовых отношений. Но для достижения правовых последствий чаще всего недостаточно наличия одного юридического факта. Нужен уже не один, а несколько взаимосвязанных юридических фактов и элементов. Такая совокупность юридических фактов и элементов традиционно именуется фактическим составом. Следовательно, фактический состав – совокупность юридических фактов и элементов, необходимых и достаточных для наступления предусмотренных законом юридических последствий [1, с. 215].

Г.М. Чувакова отмечает, что при первоначальном рассмотрении понятия и структуры фактического состава предполагалось, что он реализуется в том виде, в котором закреплён в нормах права с учётом юридически значимых условий. На определённой стадии исследования такое предположение было оправдано. Оно позволяло выявить основные черты структуры и развития фактических составов. Однако в реальном процессе правового регулирования фактические составы возникают и реализуются далеко не в «чистом виде». Они очень часто включают в себя нарушения и дефекты, затрудняющие фактический состав. Усложняющие моменты связаны с тем, что конкретный состав всегда богаче признаков юридической модели. Это природное явление [2, с. 123-136].

М.А. Рожкова в своём исследовании обращает внимание на дефекты процессуальных юридических фактов. Она отмечает, что нормы процессуального права устанавливают правовые модели действий или бездействий (которые будут иметь место в реальной действительности) и предусматривают для них наступления соответствующих процедурных послед-

ДЕФЕКТЫ ЮРИДИЧЕСКИХ ФАКТОВ В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ УКРАИНЫ: ПОНЯТИЕ И ОСНОВАНИЯ КЛАССИФИКАЦИИ

ствий. При этом норма права закрепляет определённые требования к правовой модели действия (или бездействия), соответствие которым необходимо для наступления тех или иных процедурных последствий. Требование о необходимости наличия некоторых признаков (свойств, качеств, характеристик) содержится в гипотезе нормы процессуального права и может применяться к правовой модели действия (в том числе его субъекту или объекту). Таким образом, для возникновения предусмотренных процессуальным правом последствий, процессуальное действие (или бездействие) должно не только реально иметь место, но и соответствовать тем требованиям, которые установлены нормой процессуального права относительно правовой модели этого действия (бездействия). Отдельные признаки, свойства, качества, характеристики или их совокупность, касающиеся реально совершенного действия, его субъекта или объекта входят в состав процессуального факта в качестве его элементов. Элементами состава юридического факта являются только те признаки, условия, характеристики, которым норма права придаёт значение (относительно модели такого факта). Ведь в норме права предусматривается не только сама правовая модель, но и определяются некоторые требования к её наступлению, устанавливается обязательность наличия некоторых признаков, свойств, качеств, характеристик и т.д. И при соответствии тем или иным требованиям нормы и (или) наличии тех или иных признаков, свойств, качеств процессуальное действие влечёт соответствующие процедурные последствия. С учётом приведённого выше, процессуальный факт представляет собой не только реальное действие участника судебного процесса, но действие, которое должно соответствовать установленным в норме процессуального права требованиям, условиям, признакам, и в силу этого подпадает под действие данной нормы. Отсутствие любого элемента процессуального факта приводит к другим процедурным последствиям, чем те, для совершения которых это действие (бездействие) совершалось и носит название дефекта юридического факта или фактического состава. Под дефектностью юридического факта следует понимать незапрещённые несоответствия какого-либо признака, свойства, характеристики юридического факта или фактического состава требованиям нормы права [3].

Так, Кодекс административного судопроизводства Украины (далее – КАС Украины) устанавливает требования к исковому заявлению. В искомом заявлении указываются: 1) наименование административного суда, в который подаётся исковое заявление; 2) имя (наименование) истца, почтовый адрес, а также номер средства связи, адрес электронной почты, если таковые имеются; 3) имя (наименование) ответчика, должность и место службы должностного или служебного лица, почтовый адрес, а также номер средства связи, адрес электронной почты, если таковые известны; 4) содержание исковых требований согласно частям четвертой и пятой статьи 105 КАС

Украины и изложение обстоятельств, которыми истец обосновывает свои требования, а в случае подачи иска к нескольким ответчикам, – содержание исковых требований относительно каждого из ответчиков; 5) в случае необходимости – ходатайство об освобождении от уплаты судебного сбора; об освобождении от оплаты услуг и обеспечение предоставления правовой помощи, если соответствующий орган отказал в обеспечении правовой помощи, о назначении судебной экспертизы; об истребовании доказательств, о вызове свидетелей и т.д.; 6) перечень документов и других материалов, которые прилагаются [4, ст.106].

В случае несоблюдения указанных требований, имеет место дефектный юридический факт: такое исковое заявление подлежит оставлению его без движения. В случае неустранения в установленный судом срок недостатков искового заявления, суд постановляет определение о возвращении искового заявления (ст.108 КАС Украины).

Считаем, что дефект юридического факта в административном судопроизводстве – это такое его состояние, признак, особенность, которое обуславливает наличие обстоятельств, препятствующих выполнению задач административного судопроизводства, качественному и оперативному рассмотрению дела.

Подчеркнем, что при подаче искового заявления в административный суд для образования полного фактического состава необходимо, чтобы он включал и другие элементы: уплата судебного сбора в надлежащем размере, соблюдение требований юрисдикции и подсудности, подача искового заявления в срок, установленный законом и т.п. В случае отсутствия любого вышеприведённого элемента имеет место дефектный фактический состав.

Поскольку фактический состав включает кроме юридических фактов другие признаки, свойства, предпосылки, то отсутствие такого признака, свойства, предпосылки также приведет к его дефектности.

Примером дефектного фактического состава может служить юридико-фактическая правовая ситуация, когда истец подал иск в суд с нарушением правил подсудности. В таком случае, в соответствии с п.6 ч.3 ст.108 КАС Украины, исковое заявление возвращается истцу, поскольку дело не подсудно данному административному суду.

Следовательно, дефект фактического состава в административном судопроизводстве – это состояние, признак, особенность юридического факта или иного элемента фактического состава, обуславливающие наличие обстоятельств, препятствующих выполнению задач административного судопроизводства, качественному и оперативному рассмотрению дела.

А.М. Чувакова обращает внимание на необходимость разграничения дефектности самого юридического факта и его доказательств. В частности, отмечает, что: «Суд или другой правоприменительный орган вправе отклонить доказательство, если оно отягощено теми или иными дефектами и вызывает сомнения в его истинности. Заключение эксперта,

Виталий ГОРДЕЕВ

например, не может быть принято как доказательство, если оно неполно и противоречиво, не содержит глубокого анализа объективных данных. Однако дефектность одного из доказательств не исключает, как правило, предоставление других доказательств, не означает дефектности самих социальных обстоятельств (юридического факта), которые подвергаются доказыванию в правоприменительном процессе. В то же время, отсутствие юридических фактов вообще исключает применение правовой нормы, тогда как отсутствие доказательств по делу не лишает участников процесса права предоставить другие доказательства, имеющие значение для разрешения спора» [2, с. 120].

В.Г. Баландина отмечает, что наиболее распространёнными являются дефекты, которые заключаются в ненадлежащей фиксации обстоятельств, имеющих значение для правоотношений в нормах-дефинициях, которые выступают элементами фактических составов. В юридической литературе нормы-дефиниции определяются как нормы, закрепляющие общие категории и понятия права, имеющие существенное юридическое значение [5, с. 307], либо как нормы, в которых содержатся научно сформулированные определения юридических понятий и категорий [6, с. 234]. Эти нормы, как правило, охватывают научно сформулированные понятия, термины и их определения. Как отмечает П. Кучерявенко [7, с. 186], практически любое законодательство исходит из обязательности выделения обобщённых, концептуальных понятий. Хотя нормы-дефиниции не формируют субъективных прав и обязанностей, однако правило поведения, закреплённое такой нормой, может быть выделено только после соответствующего анализа или через другие правовые нормы. Итак, во избежание дефектности в юридических фактах, в том числе в фактических составах, которые могут в свою очередь привести к недействительности, нормы-дефиниции, которые выступают элементами в фактических составах, должны быть конкретными, сжатыми и одновременно наиболее информационно содержательными и понятными для субъектов при их применении [8, с. 162-177].

На практике существуют случаи, когда правоприменительные органы на основании таких норм приходят к ошибочным выводам по делу, что влечёт образование дефектного фактического состава.

В Кодексе административного судопроизводства Украины нормы-дефиниции закреплены в третьей статье. Согласно п.14 ч.1 ст.3 КАС Украины административный договор – двух- или многосторонняя сделка, содержание которой составляют права и обязанности сторон, вытекающие из властных управленческих функций субъекта властных полномочий, который является одной из сторон сделки. Согласно п.4 ч.2 ст.17 КАС Украины, юрисдикция административных судов распространяется на публично-правовые споры, возникающие по поводу заключения, исполнения, прекращения, отмены или признания недействительными административных договоров.

Постановлением Высшего административного

суда Украины от 15 января 2013 года в административном деле по иску Регионального отделения Фонда государственного имущества Украины Донецкой области к обществу с ограниченной ответственностью «Институт земельных инвестиций» о взыскании задолженности судебные решения первой и апелляционной инстанций отменены, производство по делу закрыто.

Обосновывая своё решение, Высший административный суд Украины отметил, что заключение договора аренды субъектом властных полномочий с хозяйствующим субъектом не наделяет договор признаками административной юрисдикции, поскольку Фонд госимущества не осуществляет в спорных правоотношениях властных управленческих функций относительно общества с ограниченной ответственностью «Институт земельных инвестиций», следовательно, спор не имеет установленных нормами КАС Украины признаков дела административной юрисдикции, не имеет публично-правового характера и не должен решаться административным судом [9].

Таким образом, в данном случае имеется дефектный фактический состав, основанный на неправильном применении судами норм-дефиниций.

Для того чтобы раскрыть общую характеристику дефектов юридических фактов, необходимо обратиться к классификации, ведь с её помощью можно осуществить разделение дефектов на виды, подвиды, что позволяет глубже изучить отдельные дефекты юридических фактов, их черты, выделить характерные особенности, взаимосвязь общего и частного, выявить между ними различия и сходства, углубить процесс познания, системно подойти к явлениям, которые изучаются.

Классификацию юридических фактов принято осуществлять в зависимости от возможности их исправления на те, которые можно исправить, такие, что можно частично исправить и те, что полностью исправить нельзя. К первой группе относят нарушения, которых избегают в результате совершения определённых действий, которые не были ранее осуществлены, и повторных аналогичных действий. Например, дефектом, который можно исправить, является пропуск срока. Ко второй группе относят такие нарушения, которые можно исправить только в определённой части. Как правило, наличие дефекта, который нельзя исправить, чаще порождает недействительность юридического факта. В зависимости от момента обнаружения дефектов в юридических фактах их принято делить на: 1) такие, что выявлены до наступления правовых последствий, 2) такие, что выявлены после наступления правовых последствий [2, с. 155].

В.Г. Баландина классифицирует дефекты юридических фактов на абсолютные или относительные. При этом, абсолютно дефектными юридические факты считаются тогда, когда обстоятельство социальной действительности вообще теряет юридическое значение и не может существовать как юридический факт. Относительно дефектными считаются юридические факты, которые являются дефектными по отношению к определённым правоотношениям. В основе дефект-

ДЕФЕКТЫ ЮРИДИЧЕСКИХ ФАКТОВ В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ УКРАИНЫ: ПОНЯТИЕ И ОСНОВАНИЯ КЛАССИФИКАЦИИ

ности юридического факта лежит дефектная социально-юридическая ситуация, которая будет считаться такой, если в ней отсутствуют некоторые необходимые признаки или существуют другие, которые не определены действующим законодательством. Среди других критериев классификации дефектов юридических фактов можно назвать момент обнаружения. В таком случае дефекты в фактическом составе подразделяются на: выявленные до наступления юридических последствий, выявленные после наступления юридических последствий. По юридическому значению различают следующие разновидности дефектности фактических составов: 1) неспособность, 2) недействительность, 3) частичная недействительность, 4) незначительное нарушение [8, с. 162-177].

З.Д. Иванова разграничивает нарушения в главном факте и во второстепенных элементах состава [10, с. 37].

Кроме вышеприведённых оснований классификации дефектов юридических фактов, их разделение можно осуществить по критерию регулятивной направленности нормы права: на материальные, процессуальные и материально-процессуальные. Под материальными дефектами юридических фактов следует понимать дефекты, препятствующие наступлению материальных правовых последствий; под процессуальными дефектами – процессуальных правовых последствий; материально-процессуальными дефектами – материальных и процессуальных правовых последствий. Примером материально-процессуального дефекта является судебное решение, которое само по себе является юридическим фактом, порождающим материальные и процессуальные правовые последствия. Одновременно в нем фиксируются установленные в ходе судебного разбирательства фактические обстоятельства дела, материальные юридические факты и процессуальные действия участников дела, процессуальные юридические факты. Судебное решение, вступившее в законную

силу, может вызвать материальные, процессуальные или материально-процессуальные правовые последствия. Соответственно и дефекты судебного решения как юридического факта могут быть материальные, процессуальные и материально-процессуальные.

Следовательно, дефект юридического факта в административном судопроизводстве – это такое его состояние, признак, особенность, что обуславливает наличие обстоятельств, препятствующих выполнению задач административного судопроизводства, качественно и оперативно рассмотрению дела.

Дефект фактического состава в административном судопроизводстве – это состояние, признак, особенность юридического факта или иного элемента фактического состава, обуславливающие наличие обстоятельств, препятствующих выполнению задач административного судопроизводства, качественно и оперативно рассмотрению дела.

С помощью классификации дефектов юридических фактов можно осуществить разделение дефектов на виды, подвиды, что позволяет глубже изучить отдельные дефекты юридических фактов, их положительные и отрицательные черты, выделить характерные особенности, взаимосвязь общего и частного, выявить между ними различия и сходства, углубить процесс познания, системно подойти к явлениям, которые изучаются.

Кроме существующих оснований классификации дефектов юридических фактов, их разделение можно осуществить по критерию регулятивной направленности нормы права на материальные, процессуальные и материально-процессуальные. Под материальными дефектами юридических фактов следует понимать такие дефекты, которые препятствуют наступлению материальных правовых последствий, процессуальными дефектами – процессуальных правовых последствий, материально-процессуальными дефектами – материальных и процессуальных правовых последствий.

Литература:

1. Гордеев, В. В. Детермінація юридичних фактів у адміністративному судочинстві України: монографія – Х.: Харків юридичний, 2013. - 252 с.
2. Чувакова, Г. М. Дефектність фактичних складів: дис. ... кандидата юридичних наук: 12.00.01 – Одеса, 2004. - 181 с.
3. Рожкова, М. А. Юридические факты гражданского и процессуального права: соглашения о защите прав и процессуальные соглашения – Москва: Статут, 2009. - 332 с. – http://rozhkova.com/books_text/UFISOGLASH.html.
4. Кодекс адміністративного судочинства України. Відомості Верховної Ради України, 2005, № 35, ст. 446.
5. Скакун, О. Ф. Теория государства и права. – Харьков: КОНСУМ, 2000. - 704 с.
6. Хропанюк, В. Н. Теория государства и права: учебное пособие [для высших учебных заведений] / под

- ред. В. Г. Стрекозова. – Москва: Интерстиль, 1998. - 377 с.
7. Кучерявенко, Н. П. Курс налогового права. Особенная часть, в 6 т. – Х., Легас, 2002, Т. 1, 2002. - 665 с.
8. Баландина, В. Г. Юридичні факти в податковому праві: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.07. – Ірпінь, 2009. - 227 с.
9. Постанова Вищого адміністративного суду 15 січня 2013 року у справі за адміністративним позовом Регіонального відділення Фонду державного майна України по Донецькій області до відповідача Товариства з обмеженою відповідальністю «Інститут земельних інвестицій» про стягнення заборгованості. – <http://reyestr.court.gov.ua/Review/29399973>.
10. Иванова З. Д. Юридические факты и возникновение субъективных прав граждан. - Советское государство и право, 1980, № 2, с. 31-39.

Summary

The article presents the concept and grounds classification the defects of juridical facts of administrative legal proceedings in Ukraine. The author proposed his own definition of defects juridical facts and based on facts composition of Administrative Legal Proceedings in Ukraine.

Keywords: Defect, juridical fact, administrative legal proceedings in Ukraine.

Заур АЛИЕВ,
доктор философии по праву,
заведующий отделом Аппарата
уполномоченного по правам человека
(Омбудсмана) Азербайджанской Республики

Наджиба МУСТАФАЕВА,
эксперт Центра стратегических исследований
при Президенте Азербайджанской Республики

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ДЕЙСТВУЮЩИЕ МЕХАНИЗМЫ

В различные исторические эпохи понятие, содержание и объем прав и свобод человека не были одинаковыми. Сравнительно недавно, вплоть до начала нынешнего века, права человека регулировались исключительно внутригосударственным правом. Государства - участники международных отношений исходили из того, что эти вопросы относятся к их внутренней юрисдикции.

В ходе второй мировой войны со всей очевидностью обнаружилось недостатки в международном регулировании прав и свобод человека. Ее опыт и итоги особенно ярко показали неразрывную связь между поддержанием международного мира и безопасности, с одной стороны, и соблюдением основных прав и свобод человека - с другой [6].

Как и другие отрасли международного права, международное право прав человека начинает качественно новый этап развития с созданием ООН, то есть, с началом активного универсального сотрудничества государств в данной области [4].

Международная защита прав человека представляет собой осуществление сотрудничества государств по двум основным направлениям: во-первых, создание универсальных и региональных международно-правовых норм в области прав человека, во-вторых, создание и действие специальных механизмов контроля за их соблюдением. Большую роль в координации сотрудничества государств в данной области играют организации системы ООН и региональные организации, в чью компетенцию полностью или частично входит защита прав человека [5].

Создание системы международного контроля за

претворением в жизнь юридических обязательств, взятых на себя государствами в области прав человека, является одним из наиболее значительных достижений в международном регулировании этой сферы.

Международные механизмы (в литературе их иначе называют механизмами универсального сотрудничества и контроля в области прав человека) представляют собой способы взаимодействия по созданию специальных органов и процедур в рамках системы ООН. Функции и полномочия ООН в области прав человека чрезвычайно разнообразны. Они принимают рекомендации, выносят решения, созывают международные конференции, подготавливают проекты конвенций, проводят исследования, оказывают консультативную и техническую помощь отдельным странам. В ряде случаев они осуществляют и контрольные функции за соблюдением государствами обязательств, взятых по Уставу ООН и по международным соглашениям. Фактически все главные органы и значительное число вспомогательных органов ООН в той или иной степени занимаются вопросами прав человека.

Главную ответственность за выполнение функций Организации по содействию всеобщему уважению и соблюдению основных прав и свобод человека несет Генеральная ассамблея ООН и под ее руководством Экономический и Социальный совет (ст. 60 Устава ООН). Полномочия Генеральной ассамблеи в области прав человека определены в ст. 13 Устава ООН. «Генеральная ассамблея, — подчеркивается в этой статье, — организует исследования и делает рекомендации в целях... содействия международному сотрудничеству в области экономической, социальной,

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ДЕЙСТВУЮЩИЕ МЕХАНИЗМЫ

культуры, образования, здравоохранения и содействия осуществлению прав человека и основных свобод для всех, без различия расы, пола, языка и религии».

Рекомендации, принимаемые Генеральной ассамблеей как в области прав человека, так и по другим вопросам, согласно Уставу ООН, не являются юридически обязательными для государств - членов ООН.

В качестве вспомогательного органа Генеральной ассамблеи действует Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев, в функции которого входят «предоставление международной защиты» и «изыскание окончательного решения» проблемы беженцев посредством добровольной репатриации беженцев или их ассимиляции в новых странах. В Уставе четко оговорено, что деятельность Верховного комиссара является абсолютно неполитической по характеру; она носит гуманитарный и социальный характер и касается, как правило, лишь отдельных групп и категорий беженцев» [3].

Согласно Уставу ООН, наряду с Генеральной ассамблеей ответственность за выполнение функций Организации в области прав человека несет Экономический и Социальный совет, который работает под руководством Ассамблеи. ЭКОСОС в 1946 году в соответствии со ст. 68 Устава ООН создал Комиссию ООН по правам человека в качестве «функциональной комиссии». Комиссия занималась разработкой Всеобщей декларации прав человека 1948 года, Международных пактов 1966 года. На основании резолюции Генеральной ассамблеи ООН 15 марта 2006 года Комиссия была ликвидирована и вместо нее был создан Совет ООН по правам человека.

В функции Совета входит обсуждение тематических вопросов по всем категориям прав человека, незамедлительное реагирование на чрезвычайные ситуации, связанные с нарушениями прав человека в конкретных странах, содействие полному выполнению государствами-членами их обязательств в области прав человека посредством сотрудничества с правительствами, региональными организациями, национальными учреждениями по правам человека (институт омбудсмена) и гражданским обществом, а также предоставление рекомендаций Генеральной ассамблее для дальнейшего развития международного права в области прав человека и конкретным государствам. Особо хотелось бы отметить новый элемент в работе Совета, а именно – механизм универсальных периодических обзоров выполнения каждым государством его обязательств и обязанностей в области прав человека.

Другой функциональной комиссией ЭКОСОС является Комиссия ООН по положению женщин, являющаяся политическим органом, в функции которого входит сбор информации, предоставление рекомендаций органам ООН и организациям системы ООН, содействие правительствам, неправительственным организациям в вопросах осуществления принципа равенства мужчин и женщин.

Достаточно спорным вопросом остается воз-

можность причисления Совета Безопасности ООН к органам, занимающимся защитой прав человека, тем не менее, хотелось бы уделить ему внимание. Как известно, Совет Безопасности несет главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности (ст. 24 Устава ООН). Совет имеет право в случае грубых и массовых нарушений прав человека принять необходимые меры для поддержания или восстановления международного мира и безопасности, действуя в рамках глав VI и VII Устава ООН. Так, предметом обсуждения в Совете были нарушения прав человека в Южной Родезии, Намибии, ЮАР, Корее [7]. Примечательны в этой связи резолюции Совета в отношении Руанды и бывшей Югославии, осуждающие политику геноцида и апартеида, расцениваемую как массовое нарушение прав человека. Ответ Совета на режим апартеида в Южной Африке охарактеризовал будущее данного органа в сфере прав человека [8]. Систематические нарушения прав человека зачастую являются катализаторами и симптомами вооруженных конфликтов международного характера. Таким образом, Совет Безопасности ООН будет периодически включен в дискуссии относительно ситуации с правами человека.

Важную роль в защите прав человека играют договорные механизмы, иначе называемые конвенционными органами, т.е. органами, созданными в соответствии с рядом договоров (конвенций) ООН в области прав человека. Цель данных органов – контроль за соблюдением государствами принятых обязательств по соответствующим конвенциям.

К настоящему моменту существует семь конвенционных (договорных, экспертных) органов в рамках системы ООН: 1) Комитет по правам человека, созданный в соответствии с Международным пактом о гражданских и политических правах 1966 года; 2) Комитет по экономическим, социальным и культурным правам, созданный на основании резолюции ЭКОСОС 1985 года; 3) Комитет по ликвидации всех форм расовой дискриминации, созданный в соответствии с Международной конвенцией о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 года; 4) Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин, созданный в соответствии с Конвенцией о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 года; 5) Комитет против пыток, созданный в соответствии с Конвенцией против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство обращения и наказания 1984 года; 6) Комитет по правам ребенка, созданный в соответствии с Конвенцией о правах ребенка 1989 года; 7) Комитет по защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей, созданный в соответствии с Международной конвенцией о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей 1990 года.

Комитеты состоят из экспертов, действующих в личном качестве, избираемых государствами - участниками соответствующего договора. Контроль

Заур АЛИЕВ, Наджиба МУСТАФАЕВА

за соблюдением государствами принятых обязательств осуществляется посредством двух процедур: процедуры докладов и процедуры жалоб.

Важным шагом на пути имплементации прав человека является создание не договорных механизмов защиты прав человека, т.е. механизмов, на основе решений и резолюций международных организаций. В рамках системы ООН к этим механизмам и процедурам относятся рассмотренные выше Совет ООН по правам человека, вспомогательные органы ООН, процедура 15.03, тематические механизмы, Верховный комиссар ООН по правам человека и другие.

Тематические механизмы – это докладчики или рабочие группы, учреждаемые Советом ООН по правам человека для изучения ситуации, конкретных проблем, связанных с правами человека в конкретной стране [1].

«Процедура 15.03», получившая свое название от резолюции ЭКОСОС 15.03, занимает особое место в механизме контроля ООН в области прав человека. Это процедура прямой жалобы в Совет ООН по правам человека (ранее в Комиссию по правам человека). В соответствии с данной резолюцией Совет правомочен получать, а в необходимых случаях – выносить на обсуждения в ходе годовых сессий, информацию о грубых и систематических нарушениях прав человека.

Верховный комиссар ООН по правам человека (ВКПЧ) несет основную ответственность за деятельность ООН в области прав человека. В обязанности ВКПЧ входят: поощрение и защита эффективного осуществления прав человека; выполнение задач, порученных компетентными органами системы ООН, и представление им рекомендаций; оказание государствам по их просьбе консультативных услуг, технической и финансовой помощи в области прав человека; координация учебных и пропагандистских программ ООН в области прав человека; решение проблем реализации прав человека; поддержание диалога с правительствами, расширение международного сотрудничества, координация деятельности в рамках системы ООН, рационализация и укрепление механизмов ООН в области прав человека; осуществление руководства Центром по правам человека. ВКПЧ должен представлять ежегодный доклад о своей деятельности Совету по правам человека и через ЭКОСОС – Генеральной ассамблее.

Особая заслуга в защите прав человека принадлежит специализированным учреждениям ООН (ЮНЕСКО, МОТ и др.), осуществляющим функции, в результате которых сложился особый механизм контроля, состоящий в целом из двух процедур: процедуры докладов и процедуры жалоб.

Универсальное сотрудничество в области защиты прав человека дополняется региональным сотрудничеством, что придает большую эффективность защите прав человека, поскольку учитывается региональная специфика проблем в данной области.

Региональное сотрудничество осуществляется в рамках международных региональных организаций.

В рамках Совета Европы была принята Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года, являющаяся основополагающим договором, на обязательность выполнения которого государства выражают согласие при принятии их в члены организации. Конвенция закрепила наиболее эффективный на сегодняшний день механизм имплементации – Европейский Суд по правам человека, полномочный рассматривать межгосударственные жалобы, жалобы от любого физического лица, группы лиц и неправительственных организаций о нарушении положений Конвенции и протоколов к ней исключительно государствами-участниками ЕКПЧ и соответствующих протоколов, имевших место только после даты их ратификации. Эффективность данного механизма связана с тем, что решения Суда обязательны для государства-ответчика по делу, и за их осуществлением наблюдает Комитет министров Совета Европы, который может принять решение о приостановлении и даже прекращении членства государства в организации. Однако нередко значимость решений Суда выходит за национальные пределы, воздействуя на право и судебную практику и других государств-участников конвенции. При этом Европейский Суд не является высшей инстанцией по отношению к судебной системе государства-участника конвенции. Соответственно, он не может отменить решение, вынесенное органом государственной власти или национальным судом, не вправе давать указаний законодателю, осуществлять абстрактный контроль национального законодательства или судебной практики, не имеет права давать распоряжения о принятии мер, имеющих юридические последствия [2]. Суд рассматривает только конкретные жалобы с тем, чтобы установить, действительно ли были допущены нарушения требований конвенции. Однако Суд вправе присудить «справедливое удовлетворение претензии» в виде финансовой компенсации материального ущерба и морального вреда, а также возмещение выигравшей стороне всех издержек и расходов. Согласно Уставу Совета Европы неисполнение решений может привести к приостановлению членства государства, а по решению Комитета министров – к исключению государства из Совета Европы.

В рамках Совета Европы действует также институт Комиссара по правам человека, в функции которого входит содействие совершенствованию законодательства в области прав человека в государствах-членах Совета Европы.

Механизмы по защите прав человека существуют в рамках и других международных организаций. К примеру, в рамках Организации американских государств действуют Межамериканская комиссия по правам человека и Межамериканский суд по правам человека, в рамках же Африканского Союза - Комиссия по правам человека и по правам народов и Африканский

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ДЕЙСТВУЮЩИЕ МЕХАНИЗМЫ

суд по правам человека и народов. Среди региональных механизмов нужно также отметить и Комиссию по правам человека, являющуюся договорным механизмом, функционирующим в рамках СНГ.

Сравнительный анализ деятельности международных и региональных органов по защите прав человека позволяет сделать заключение, что региональные системы обладают рядом преимуществ, среди которых – схожесть политических систем, их политическая и правовая стабильность, исторический опыт, близость уровней социально-экономического развития, общие правовые традиции, географическая доступность, меньшее количество государств, задействованных в этом процессе, соответственно большая возможность добиться консенсуса как по текстам документов, так и по механизмам мониторинга и применения.

Международные же механизмы, к примеру, рассмотренные выше Комитеты, зачастую принимают отчеты одних и тех же государств в одно и то же время. Кроме этого, за время развития международного права прав человека было создано большое количество второстепенных и вспомогательных органов ООН. Некоторые из них обладают пересекающейся юрисдикцией, что также осложняет данный процесс и снижает его эффективность.

Причинами низкой эффективности деятельности органов системы ООН являются также финансовые ограничения и сравнительно небольшое количество персонала, которые ставят ее в зависимое положение от доброй воли членов Комитетов и государств-членов.

Ну и, наконец, процесс политизации самого международного права затрудняет процесс признания действий определенных государств легитимными либо противоречащими международному праву.

Сегодня деятельность международных механизмов по защите прав человека должна быть нацелена на практическое осуществление международных стандартов, принятых в этой сфере. Эта работа должна быть сосредоточена на создании необходимых условий для осуществления и формирования всеобщей культуры прав человека. С одной стороны, нужно стремиться к всеобщей ратификации различных соглашений, принятых в области прав человека; с другой – необходимо дальнейшее усиление эффективности осуществления прав человека посредством международных и региональных органов, превентивной дипломатии, участия неправительственных организаций, что может привести к значительному сокращению случаев нарушений прав человека во всем мире.

Литература:

1. Алиев А. Международно-правовая защита прав человека. - Баку, 2009, с. 304.
2. Бекашев К.А. Международное публичное право. - Москва, 2011, с. 318-319.
3. Гай С. Гудвин-Гилл. Статус беженца в международном праве. - Москва, 1997, с. 253-254.
4. Гусейнов Л.Г. Международное право. - Баку, 2002, с. 172.
5. Колосов Ю.М, Кривчикова Э.С. Международное публичное право. - Москва, 2007, с. 533.
6. Лукашева Е.А. Права человека. - Москва, 2009, с. 465.
7. Лукашук И.И. Международное право. Особенная часть. - Москва, 2005, с. 46.
8. Макили-Алиев К. Н. Система имплементации и применения международного права прав человека: органы и механизмы. - Баку: Elmvetəhfəsil, 2009, с. 10.

Summary

Human Rights must be considered as one of the major achievements of modern day philosophy. Historically seen, early human rights developed as part of national constitutional law. Today, most states have a constitutional bill of rights, which includes a more or less refined national protection system, as the case may be. Admittedly though, since the Second World War, these domestic bills of rights are increasingly being determined by international law.

The international system of human rights protection, particularly universal (global) and regional mechanism are analyzed by the author in this article. Most conventions establish mechanisms to oversee their implementation. In some cases these mechanisms have relatively little power, and are often ignored by member states; in other cases these mechanisms have great political and legal authority, and their decisions are almost always implemented. Examples of the first case include the UN treaty committees, while the best exemplar of the second case is the European Court of Human Rights.

Keywords: Human Rights, constitutional law, national protection system, international law, European Court of Human Rights.

Kamal MAKILI-ALIYEV,
doctor of Law, LL.D., Leading Research Fellow, Center for
Strategic Studies (SAM), Azerbaijan

PROBLEMS OF INTERNATIONAL CRIMINAL LAW IN THE NAGORNO-KARABAKH CONFLICT

This section of the work does not set a goal to accuse anyone in international crimes. Person can be found guilty of international crime only by competent court or tribunal (such as international court or tribunal or domestic court exercising universal jurisdiction). This section only brings attention to the events during Nagorno-Karabakh that are from the point of view of author are clearly containing elements of international crimes and sets ground for the recommendations for investigation and prosecution of such events.

Further in this section I would like to group and discuss aforementioned cases in groups of crimes as they are contained in Rome Statute.

1. War Crimes in the Nagorno-Karabakh Conflict

As it was mentioned above in this work there was a large amount of grave breaches of IHL during the Nagorno-Karabakh Conflict and their number is growing from day to day. However, grave breaches and serious violations of IHL according to the Rome Statute are war crimes [1]. It is impossible to talk about all the crimes committed during the Nagorno-Karabakh Conflict due to the large number of such events. In this work, however, I would like to bring most serious and common to of the war crimes in the Nagorno-Karabakh Conflict.

One of the most common crimes to the Nagorno-Karabakh Conflict is willful killing. Willful killing is war crime according to Rome Statute [2]. *Actus reus* of that offence is the taking lives of protected persons by any means. It can be committed by an act or an omission, provided that the conduct is beyond any doubt substantial cause of the death of the victim [3, p. 431]. *Mens rea* of the crime is demonstration of intention on the part of the accused to kill, or inflict serious injury, in reckless disregard of human life [4, pp. 437-439]. Large numbers of persons protected by IHL were killed during Armenian attacks when conquering presently occupied territories of Azerbaijan. Willful killing of prisoners of war and civilian population were reported during attacks on Kelbajar, Agdam, Qubatli, Djabrail, Fuzuli, Zangelan, and other parts of Azerbaijani territory [5, pp. 8-34]. This kind of crime is common to most of the armed conflicts and

represents one of the gravest crimes as it undermines whole principle of protection of IHL.

Another common crime for the active part of the Nagorno-Karabakh Conflict is taking of hostages. Taking of hostages is a war crime according to Rome Statute [6]. Hostages are non-combatants on the occupied territory unlawfully deprived of their liberty, often arbitrarily and sometimes under threat of death, ceased and held as an anticipatory precaution against the enemy or in order to secure a promise from the enemy (for example using them as a shield against the enemy for operations of own forces or killing them in order to terrorize resistance movements) [7, pp. 272-273]. Their detention can be lawful only when it is necessary for the protection of civilians or other reasons of security. To find someone guilty of that crime, facts have to be established by prosecution that at the time of detention condemned act was committed with a goal of gaining a concession or an advantage [8, p.158]. Taking of hostages were reported in large numbers during Nagorno-Karabakh War. Almost in every military operation taking of hostages took place. Later hostages were traded for the hostages from the other side and POWs [9, pp. 51-58]. Taking hostages is a very serious crime as it endangers lives of innocent people by using them in military operations.

Another war crime common to the Nagorno-Karabakh Conflict and recognized by Rome Statute is intentionally launching an attack in the knowledge that such attack will cause incidental loss of life or injury to civilians or damage to civilian objects or widespread, long-term and severe damage to the natural environment which would be clearly excessive in relation to the concrete and direct overall military advantage anticipated [10]. The *actus reus* of this offence is the launching of an attack to cause incidental loss of life or injury to civilians or damage to civilian objects or widespread, long-term and severe damage to the natural environment in the violation of principles of necessity and proportionality. However, such attack can be legitimate if takes place far away from populated areas and would not affect civilian population [11, pp. 149-150]. *Mens rea* of such offence is the intent to launch the attack in the knowledge (certainty) that it will be disproportionate to the military advantage anticipated

PROBLEMS OF INTERNATIONAL CRIMINAL LAW IN THE NAGORNO-KARABAKH CONFLICT

in the circumstances [12, p. 162]. Indiscriminate fire by Armenians against civilian population and civilian objects of Azerbaijan was very common for the beginning of the Nagorno-Karabakh Conflict and takes place eventually in present time. These actions constitute one of ways to commit aforementioned crime, because indiscriminate fire is clearly one of the types of attack launched to cause incidental loss of life or injury to civilians and damage to civilian objects. Such cases were reported during attacks on Kelbajar, Agdam, Qubatlı, Djabrail, Fuzuli, Zangelan, and other parts of Azerbaijani territory [13, pp. 8-34].

One of the most serious war crimes recognized by Rome Statute [14] and committed by Armenians in the Nagorno-Karabakh Conflict is the transfer directly or indirectly, by the Occupying Power of parts of its own civilian population into the territory it occupies, or the deportation or transfer of all or parts of the population of the occupied territory within or outside this territory. Article 49 of GCIV prohibits individual or mass deportations or transfers of all or parts of protected person from occupied territories to the territory of Occupying Power or to that of any other country, occupied or not, regardless of motive. Article 85(4)(a) of Protocol I makes it a grave breach to transfer by Occupying Power parts of its own civilian population into the territory it occupies or the deportation or transfer in violation of Article 49 of GCIV. Transfer needs to be interpreted in accordance with the relevant provisions of IHL. The word indirectly in the name of the offence suggests that population of the Occupying Power need not to be physically forced or otherwise compelled to be transferred to occupied territory, but may be induced or facilitated to be transferred there [15, p. 168.]. During the Nagorno-Karabakh Conflict more than 450.000 Azerbaijanis were forced by Armenian occupation to move from occupied territories [16, pp. 58-62]. In addition Armenians are transferring some parts of its civilian population to territories they are occupying to settle them there and create problems when it comes to the settlement of the conflict. This crime brought, probably, most pain and suffering to the civilian population. Such large number of displaced civilians constitutes the clear example of forcible transfers as a type of aforementioned crime.

Another crime common to the Nagorno-Karabakh Conflict is pillaging a town or place, even when taken by assault. The ICTY held in *Celebici case* that the concept of pillage in the traditional sense implies an element of violence; whereas the offence of plunder embraces all forms of unlawful appropriation of property in armed conflict for which individual criminal responsibility attaches in international law, be it committed with or without violence. Therefore, 'plunder' includes those acts traditionally described as 'pillage' [17]. Appropriations of enemy property justified by military necessity, and not by private or personal use, cannot constitute the crime of pillaging. Pillaging, plundering or simply – looting cases were and still are common to the Nagorno-Karabakh Conflict. In any seizure of any Azerbaijani town or village by the Armenians pillaging cases were reported. Civilian

property lost in pillaging estimated up to several hundreds of thousands of US dollars.[18, pp. 8-34]

Numerous amounts of other war crimes were committed during Nagorno-Karabakh Conflict and continue to be committed today. For example such crimes are: torture or inhumane treatment, including biological experiments, willfully causing great suffering or serious injury to body or health, attacking or bombarding, by whatever means towns, villages, dwellings or buildings which are undefended and which are not military objectives, killing or wounding a combatant who, having laid down his arms or having no longer means of defense, has surrendered at discretion, and others.

2.Genocide of Azerbaijanis in the Nagorno-Karabakh Conflict

During Nagorno-Karabakh Conflict Armenians committed several acts of genocide against Azerbaijani population on the occupied territories and against Azerbaijani population in Armenia. These acts were committed with the intention to destroy parts of Azerbaijani national group living on aforementioned territories. Thus according to the definition of genocide in Genocide Convention and Rome Statute, that was discussed above in this work, these acts were committed as genocide of parts of ethnical group. Ethnical group is one whose members share a common language and culture. An ethnic group may identify or distinguish itself as such, or maybe identified as such by others, including perpetrators of genocide [19]. Further I would like to proceed with facts of genocide starting from the beginning of conflict and till present time as some acts of genocide are continued to be committed.

Since January 1988, the Armenians began to implement into life the policy of "**Armenia without Turks**". The government of **Armenia**, nationalistic organizations "**Karabakh**" and "**Krunck**", and representatives of the church of Echmiezdin committed thousands of bloody crimes under the protection of the administration of the USSR in the process of forcible **deportation of the Azerbaijanis from Armenia**.

As a result of first ethnic cleansings 185 Azerbaijani settlements were emptied, over 250,000 Azerbaijanis were compelled to leave their houses; 217 Azerbaijanis were murdered and 49 of them froze in the mountains when escaping to save their lives, 41 of them were beaten to death, 35 of them were tortured to death, 115 of them were burnt, 16 of them were shot, 10 of them died of heart attacks unable to endure the tortures, 2 of them were murdered by physicians in the hospital, some people were drowned in the water, some were hung, some were electrified to death, and some were beheaded [20].

For the purposes of this work it is important to show the examples of genocidal acts of Armenians against Azerbaijanis. Presenting some facts and drawing the actual picture of some events that took place in the Nagorno-Karabakh Conflict will help me to argue further that these events were genocide.

One of the most horrible events of the Nagorno-

Kamal MAKILI-ALIYEV

Karabakh Conflict is the genocide in Khojali. It is like the genocides committed in **Khatyn, Lidisia, Oradur, Yugoslavia and Rwanda** reflected in the history of mankind. In the early hours of 26 February 1992, the armed forces of Armenia, the armed Armenian militants of the Nagorno-Karabakh, and Motor-Infantry Regiment No. 366 of the former Soviet Union dislocated between **Askeran** and **Khankendi** occupied the town and committed genocide against the Azerbaijanis. Preparation for Khojali attack began in the evening of February 25 when the military equipment of Motor-Infantry Regiment No. 366 began to take positions around the city.

The assault of the city began with the 2 hours firing by tanks, armored cars and guns with the missile "Alazan". Khojali was blocked from three sides and people tried to escape in Askeran direction. Parts of the population trying to escape the violence encountered ambushes on the way out of the town and were murdered. Very soon they understood that it was the ominous trap. The organized nature of the extermination of the population of Khojali was evident from that the killing took place in prepared in advance ambushes on peaceful inhabitants who fled the town in desperation to save their lives. For example, Elman Mamedov, chief of administration in Khojali, reported that a large group of people who had left Khojali came under intensive fire from Armenian positions near the village of Nakhichevanik. It is reported that near Nakhchivanik village the Armenian armed forces were prepared in advance to open fire on the unarmed people. Just here, in Askeran-Nakhchevanik shallow gully many of the children and women, elders, frostbitten and weakened in the snow of forests and mountain passes became the victims of the brutality of Armenian armed forces.

Those days Azerbaijani forces couldn't burst through to help the population of Khojali, and there was also no ability to take away the dead bodies. At the same time special groups of Armenians in white camouflage cloaks using helicopters searched the people in the forests, groups of people who came out the forest were shot or taken as hostages and subjected to tortures. That event also shows the intent of Armenians to exterminate the rest of Azerbaijani population of Khojali at any cost [21].

Episodes of Khojali genocide are terrifying. Antiga, the resident of Khojali, was burned alive because she did not say: "these places are part of Great Armenia". Khojali resident Sariya Talibova told: "heads of 4 meskhetis and 3 Azeris were cut off over Armenian grave. Then they extracted eyes of 2 Azeris". **Khazangul Tavakkul qizi Amirova said:** "My family was wholly taken hostage by the armed Armenians when Khojali was occupied. They shot and killed my mother Raya, my seven-years old sister Yegana, and my aunt Goycha. They poured petrol on my father Tavakkul and set him on fire".

The night, in which the Armenians committed the genocide in Khojali, 613 peaceful residents were murdered with a special cruelty, tortured, beheaded, and blinded.

Pregnant women were bayoneted; same destiny reached 63 children, 106 women and 70 old men.

The genocide was committed with the participation of Motor-Infantry Regiment No. 366 commanded by Major Seyran Mushegovich Oganyan (at present he is the "defense minister" of the illegal Nagorno-Karabakh regime), companies and platoons of the same battalion commanded by Eugenie Nabokikhin, chief of headquarters of the first battalion Valeri Isayevich Chitchyan and over 50 officers and senior personnel of the Armenian nationality [22].

Another event of genocide acts of Armenians against Azerbaijanis is evident from the April 1, 1993 when Armenian military formation began large-scale attacks over Kelbajar region. During this operation a new radio network was used operating on frequency of 6721 kHz, in order to implement coordination of the operation and general control.

Materials obtained as a result of radio intelligence service during the operation on the 6-7-th of April 1993 witness that the order was given by the head quarter radio station placed in Vardenis region of Armenia ("GSM -7") to the head radio station in the region of military operation ("Uragan") to liquidate and burry quickly all the captives and hostages including old people, women and children in Kelbajar region. The cause of that act was to sweep off all the evidences of ethnic cleansings against Azerbaijanis from the representatives of international organizations including journalists who arrived at the region of the military operation at that time and at the same time exterminate as many Azerbaijanis as possible [23].

The genocide acts in Khojali and Kelbajar is only one piece of a pattern of destruction and ethnic cleansings methodically carried out by the Armenian armed forces against Azerbaijani population. The similar events were taking place in different parts of occupied territories.

Actus reus of the crimes can be seen from the facts above. *Mens rea* of crimes is however less clear, but there are a lot of details like ambushes prepared by Armenians in advance in Khojali, following refugees on helicopters and orders given by radio in Kelbajar that suggest that *mens rea* was formed prior to the commission of an act of genocide. Pre-formed *mens rea* is one of the necessary elements of crime of genocide [24]. The other qualification that perpetrator must choose the victim not because of his individual identity, but because of membership in specific group (in our case Azerbaijanis), [25] is also very clear as there were no Armenians killed in the events of Khojali or Kelbajar or other. It was clearly Azerbaijanis who were chosen to be a victim of genocidal acts. Another requirement for *mens rea* of crime is that perpetrator must intent to destroy a large portion of the group [26] in our case is also quite obvious. Azerbaijanis against who genocide was attempted were quite a large share of population of that ethnical group presented in currently occupied territories and on territory of Republic of Armenia.

On the first group of acts committed as a killing of the group, as a part of Genocide Convention, I want to set

PROBLEMS OF INTERNATIONAL CRIMINAL LAW IN THE NAGORNO-KARABAKH CONFLICT

example of ICTR ruling that 'killing' is homicide committed with the intent to cause death. By its constituent physical elements, the very crime of genocide necessarily entails premeditation [27]. Rome Statute makes it clear that the act of killing or causing death forms essential element of crime of genocide, where 'causing death' means intentional omission that leads to death of the victim. All of these requirements are clearly present in genocide acts of Armenians.

Causing serious bodily or mental harm is another way to commit genocide also present in the Nagorno-Karabakh Conflict. A large number of acts of torture, inhumane and degrading treatment, rape, sexual violence, etc. and serious injuries to the health of victims of genocide in the Nagorno-Karabakh Conflict formed another group of acts of genocide of Azerbaijanis by Armenians. These aforementioned acts form one of the groups of acts of genocide according to the international criminal practice. In addition, harm done by these acts need not to be permanent or irremediable [28]. The fact that all the requirements are there on their places can be seen from the information on genocide acts provided above.

3. Armenian Aggression Against Azerbaijan

In this section I want to argue that though 'crime of aggression' is not defined yet, Armenian aggression against Azerbaijan can be still prosecuted as a crime in international criminal court or tribunal if the international society will find it necessary and important.

Though, as it was said before in this work, 'crime of aggression' was never defined, 'aggression' itself was defined by UN GA Resolution 3314 of 14 December 1974 on the Definition of Aggression (hereinafter Definition). In order to prove that Armenian aggression can be prosecuted, first there is a need to prove Armenian aggression itself.

According to Article 1 of Definition: "Aggression is the use of armed force by a State against sovereignty, territorial integrity, or political independence of another State, or in any other manner inconsistent with the Charter of the United Nations, as set out in this Definition..." [29] Further in Article 2 Definition provides: "The first use of armed force by a State in contravention of the Charter shall constitute *prima facie* evidence of an act of aggression although the Security Council may in conformity with the Charter, conclude that a determination that act of aggression have been committed would not be justified in the light of relevant circumstances, including the fact that the acts concerned or their consequences are not of sufficient gravity" [30] As it can be seen from Article 2 of the Definition it empowers Security Council to decide whether the first use of armed forces is an act of aggression.

Article 3 of Definition provides non-exhaustive list of events that qualify as acts of aggression such as invasion, attack, temporary military occupation, or annexation by the armed forces of one State by another; bombardment of one state by another; blockade of ports; attack on land, sea or air; allowing the territory to be used by a State to attack a third State; and sending or being

substantially involved in sending, armed bands, groups, irregulars, or mercenaries, to carry out armed attack against another State of such gravity as to amount to the acts listed in preceding paragraphs of Article 3 [31].

From the information provided above in this work we can see that acts of Republic of Armenia clearly fall under definition of aggression as provided in Article 1 of Definition. Also the acts of Republic of Armenia against Azerbaijan Republic match some acts provided by Article 3 of Definition including attack on land and air by armed forces and military occupation of victim state – Azerbaijan Republic and support of irregulars or illegal armed bands, in this case Nagorno-Karabakh separatists. The fact of support of Nagorno-Karabakh separatists by Armenian armed forces was discussed previously in this work and indirectly recognized by SC Resolution 884 of 12 November 1993 in paragraph 2, [32]. At the same time fact that support of separatists constitutes an act of aggression is also a rule under customary international law [33].

Further, Security Council in its resolutions of 822 and 853 of 1993 actually recognizes the aggression of Republic of Armenia against Azerbaijan Republic. In these resolutions Security Council reaffirms sovereignty and territorial integrity of all States in the region of conflict and also inviolability of international borders and inadmissibility of use of force. It also demands for full and unconditional withdrawal of Armenian occupying forces from territories of Azerbaijan [34]. With all that Security Council Resolutions show that acts of armed forces of Republic of Armenia constitute an act of aggression against Azerbaijan Republic according to the definition of aggression provided by UN GA Resolution 3314.

The crime of aggression was brought to a trial only ones in history during Nuremberg and Tokyo Tribunals' trials. It was punished, as said before in this work, under heading of 'crimes against peace'. According to Nuremberg Tribunal war is essentially an evil thing because its consequences affect the whole world. Therefore, to initiate a war of aggression is 'not only an international crime; it is the supreme international crime differing only from other war crimes in that it contains within itself the accumulated evil of the whole' [35, p. 221]. The crimes against peace according to the Article 6 (a) of Charter of Nuremberg Tribunal were: 'planning, preparation, initiation or waging of a war of aggression, or a war in violation of international treaties, agreements or assurances, or participation in a common plan or conspiracy for the accomplishment of any of the foregoing'. Same Article also provides that responsibility for crime of aggression lies on leaders, organizers, instigators and accomplices participating in aforementioned acts lead to war of aggression [36].

It is unarguable that Armenian leaders and organizers cannot be tried in present time under Rome Statute due to two reasons: 1) crime of aggression needs definition under Rome Statute; 2) jurisdiction of ICC covers cases after year 2002 (and Armenian aggression started in the beginning of the Nagorno-Karabakh conflict). However,

Kamal MAKILI-ALIYEV

if international community will find this necessary and important *ad hoc* tribunal can be set up to bring to trial persons responsible for the Armenian aggression against Azerbaijan. Some can argue that it would be a breach of principle of legality. However Nuremberg Tribunal already set up a precedent that is now considered justifiable and history can repeat itself. For the temporary solution of definition of crime of aggression I would like to propose definition brought up by Kittichaisaree, based of Nuremberg definition and linked with determination of aggression by Security Council: "... and subject to prior determination by the United Nations Security Council of an act of aggression by the State concerned, the crime of aggression means any of the following acts: planning, preparing, initiating, or carrying out a war of aggression" [37, p. 217].

4. Crimes Against Humanity in the Nagorno-Karabakh Conflict

As it was mentioned above in this work definition of crimes against humanity provides that they can be committed against 'any civilian population'. This means that crimes against humanity can be committed against stateless persons or civilians of the same nationality of the perpetrator as well as against foreign citizens [38]. In our case the fact that crimes against humanity can be committed against own civilian population of the perpetrator is very important. This fact is the only one that differs crimes against

humanity of Armenians from war crimes committed by them against civilian population of Azerbaijan.

As it was mentioned above in the beginning of the Nagorno-Karabakh Conflict Armenians organized widespread attacks directed against Azerbaijani civilian population living on the territory of modern Republic of Armenia. These attacks resulted in murder of several parts and deportation of the rest of Azerbaijani population from Armenia.

As there is not much to tell about murder as a part of crimes against humanity committed by Armenians, as its conduct is quite clear, the deportation should be defined. Rome Statute proscribes deportation of population and defines it as forced displacement of persons concerned by expulsion or other coercive acts from the area in which they are lawfully present, without grounds permitted under international law [39]. In other words deportation is forcible removal of persons to the territory of another State. The provision 'without grounds permitted by international law' suggests that conduct is unlawful.

Azerbaijanis that have been leaving on the territory of Republic of Armenia were Armenian citizens and there were no grounds under international law for their removal from Armenian territory. This means that Armenians committed crimes against humanity in murdering parts and deporting other parts of Azerbaijani population from Republic of Armenia; against their own nationals at that time. As result of these crimes 250,000 Azerbaijanis were deported from Armenia and 217 were killed [40].

Резюме

В статье на примере продолжающегося армяно-азербайджанского нагорно-карабахского конфликта раскрываются теоретические проблемы международного уголовного права. Автор касается международно-правовых аспектов агрессии Республики Армения против Азербайджана, военных преступлений, преступлений против человечности, геноцида азербайджанцев, совершенных армянскими агрессорами в Нагорном Карабахе и вокруг него.

Ключевые слова: конфликт, международного уголовного права, военных преступлений, агрессорами, Республика Армения, Азербайджан.

Bibliography:

1. Rome Statute, supra note 53, article 8(2).
2. Ibid., article 8(2)(a)(i).
3. Celebici case (Prosecutor v. Delalic, Mucic, Delic & Landzo), 16 November 1998, Case No. IT-96-21-T, para. 431.
4. Ibid., para. 437-439.
5. See, supra note 83, pp. 8-34.
6. Rome Statute, supra note 53, article 8(2)(a)(viii).
7. Green, supra note 70, pp. 272-273.
8. Blaskic case (Prosecutor v. Tihomir Blaskic), 3 March 2000, Case No. IT-95-14-T, para. 158.
9. See, supra note 83, pp. 51-58.
10. Rome Statute, supra note 53, article 8(2)(b)(iv).
11. Green, supra note 70, pp. 149-150.
12. Kittichaisaree, supra note 35, p. 162.
13. See, supra note 83, pp. 8-34.
14. Rome Statute, supra note 53, article 8(2)(b)(viii).
15. Kittichaisaree, supra note 35, p. 168.
16. See, supra note 83, pp. 58-62.
17. Celebici, supra note 107, para. 591.
18. See, supra note 83, pp. 8-34.
19. Akayesu, supra note 61, para. 513.
20. See, <<http://www.human.gov.az>>, visited 3 July 2007.
21. See, <http://www.nuhun.net/xocali/index_en.htm>, visited 3 July 2007.
22. See, supra note 124.
23. See, <<http://www.khojaly.org.az/kelb.html>>, visited 3 July 2007.
24. Kayishema and Ruzindana, supra note 74, para. 91.
25. Akayesu, supra note 61, paras. 521-522.
26. Jelusic, supra note 59, para. 81-82.
27. Akayesu, supra note 61, para. 501.
28. Ibid., para. 504.
29. UN GA Resolution 3314, supra note 80.
30. Ibid.
31. Ibid.
32. SC Resolution 884 (1993), S/RES/884, <<http://daccessdds.un.org/doc/UNDOC/GEN/N93/631/20/PDF/N9363120.pdf>>, visited 5 July 2007.
33. Nicaragua case (Military and Paramilitary activities

PROBLEMS OF INTERNATIONAL CRIMINAL LAW IN THE NAGORNO-KARABAKH CONFLICT

in and against Nicaragua), 1986, ICJ, <www2.uakron.edu/low/Nicaragua.doc>, visited 5 July 2007.

34. SC Resolution 822 (1993), S/RES/822, <<http://daccessdds.un.org/doc/UNDOC/GEN/N93/247/71/IMG/N9324771.pdf>>, visited 5 July 2007; SC Resolution 853 (1993), S/RES/853, <<http://daccessdds.un.org/doc/UNDOC/GEN/N93/428/34/IMG/N9342834.pdf>>, visited 5 July 2007.

35. *Trial of the Major War Criminals*, 'Proceedings of the International Military Tribunal, Nuremberg', 41 *American Journal of International Law* 172 (1947), p.221.

36. *Ibid.*

37. Kittichaisaree, *supra* note 35, p. 217.

38. *Tadic*, *supra* note 51, para. 626.

39. Rome Statute, *supra* note 53, article 7(1)(d).

40. See, <<http://www.human.gov.az>>, visited 3 July 2007.

Томрис ВЕЛИЕВА,
диссертант Института по правам человека
НАН Азербайджана

МИССИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В ГРУЗИИ И НА МОЛДАВСКО-УКРАИНСКОЙ ГРАНИЦЕ

После вступления в силу Маастрихтского договора в 2003 году вопрос об урегулировании конфликтов стал одним из центральных элементов политики Европейского Союза (ЕС) в постсоветском пространстве. Политика ЕС в этом географическом и геополитическом регионе основана на общей внешней политике и политике безопасности ЕС (ОВППБ). По этой причине, регулирование существующих региональных конфликтов в географически соседнем с Европейским Союзом регионе – постсоветском пространстве – имеет очень важное значение для ЕС. Следовательно, вопрос об анализе миссий ЕС, осуществляемых в Грузии и на молдавско-украинской границе, остается актуальным. Фактор нестабильности, имеющей место во внешней периферии Европы (прилегающих к Европе территорий за пределами ее границ), всегда был в центре внимания Европейского Союза. В этом контексте, неразрешенность конфликтов в странах Южного Кавказа и на территории Молдовы относятся к числу проблем, представляющих интерес для ЕС. Именно по этой причине Европейский Союз осуществляет миссии на границе между Грузией и Молдовой и Украиной в рамках ОВПББ.

Следует отметить, что миссия ЕС в Грузии была реализована в 2004 году с приходом к власти Михаила Саакашвили. 3 июня 2004 года премьер-министр Грузии Жвания обратился к Верховному представителю ЕС с просьбой о размещении в Грузии миссии ЕС в рамках ОВПББ в целях содействия обеспечению верховенства закона в стране. 28 июня 2004 года Совет ЕС принял решение о реализации миссии в этой стране (*EUJUST THEMIS*). Основная цель этой миссии, приступившей к действиям с июля 2004 года, заключалась в содействии усилиям правительства Грузии по обеспечению верховенства закона [2]. Предполагалось, что Миссия ЕС, состоящая, из десяти экспертов, представляющих Францию, Германию, Италию, Польшу, Данию, Швецию, Нидерланды, Литву, Латвию и Эстонию, должна присутствовать в министерствах и ведомствах Грузии и содействовать созданию в Грузии системы правосудия, отвечающей современным требованиям.

30 июня 2004 года г-жа Сильвия Панц (Франция) была назначена главой миссии ЕС в Грузии по обеспечению верховенства права (*EUJUST THEMIS*). 10 июля 2004 года правительством Грузии было принято решение о сотрудничестве между *EUJUST THEMIS*, с одной стороны, и Министерством юстиции, Министерством внутренних дел, Министерством иностранных дел, а также государственным министром по вопросам европейской интеграции, Генеральным прокурором, секретарем Совета национальной безопасности и председателем Верховного суда Грузии – с другой. 16 июля Совет ЕС утвердил План действий миссии, и в тот же день глава миссии г-жа Сильвия Панц провела в Брюсселе брифинг по случаю начала работы миссии *EUJUST THEMIS* [10]. Следует отметить, формально миссия ЕС не имела отношения к региональным конфликтам. Тем не менее, она превентивно осуществляла функцию, направленную на недопущение появления в Кавказском регионе нового источника нестабильности. В ЕС обсуждали вариант решения этого вопроса в рамках реализации программы Европейской комиссии без использования механизмов Европейской политики безопасности и обороны (ЕПБО), являющейся неотъемлемой частью ОВПББ. Но, в конце концов, было принято решение об осуществлении этой миссии в рамках ЕПБО. В частности, осуществление этой миссии в рамках ЕПБО позволяло лучше контролировать ее деятельность. Кроме того, в таком случае участие Грузии в ЕС становилось более важным фактором [12, с. 203-204].

Миссии ЕС в Грузии *EUJUST THEMIS* не удалось добиться значительных успехов. В частности, для решения своих технических и кадровых проблем миссии требовалось длительное время. С другой стороны, чиновники, занимающие руководящие посты в новом правительстве Грузии, часто менялись. Это оказало негативное влияние на установление деловых отношений. Кроме того, Грузинская сторона среди зарубежных экспертов отдавала предпочтение не представителям ЕС, а представителям Соединенных Штатов. Миссия ЕС *EUJUST THEMIS* завершилась разработкой стратегии реформы уголовного

МИССИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В ГРУЗИИ И НА МОЛДАВСКО-УКРАИНСКОЙ ГРАНИЦЕ

судопроизводства и ее утверждением грузинской стороной.

Впоследствии, реализация этой стратегии была закреплена в качестве одного из положений Плана действий между ЕС и Грузией рамках Политики европейского соседства. В то же время, некоторые эксперты, действовавшие в составе миссии ЕС, стали сотрудниками Канцелярии Специального представителя ЕС в регионе [12, с. 205-208]. В Канцелярии Специального представителя ЕС в регионе также действует группа в составе 9 человек, занимающаяся консультированием пограничной службы Грузии и помогающая этой службе в подготовке законодательных актов по вопросам пограничного контроля. Однако, в отличие от миссии *EUJUSTHEMIS*, деятельность, связанная с пограничными операциями в рамках ЕПБО, не получила статус миссии, и эта деятельность, как правило, не относится к миссиям ЕС [14, с. 285].

Пятидневная война между Россией и Грузией, начавшаяся в августе 2008 года из-за Южной Осетии, завершилась при посредничестве Н. Саркози - президента Франции - страны, которая в то время председательствовала в ЕС. 1 сентября 2008 года состоялось экстренное совещание Совета Европейского Союза. В соответствии с итоговым документом встречи было принято решение о размещении с 15 сентября 2008 года в Грузии миссии гражданских наблюдателей [4]. При посредничестве Европейского Союза и на основании соглашений от 12 августа и 8 сентября 2008 года, подписанных между Грузией и Россией, 1 октября 2008 года миссия ЕС в Грузии приступила к деятельности.

Следует отметить, что ввиду чрезвычайности ситуации, создавшейся в Грузии, миссию ЕС в этой стране необходимо было разместить в экстренном порядке. По этой причине даже ЕС был вынужден игнорировать стандартные процедуры по подбору персонала [11, с. 386-387]. В соответствии с соглашением между сторонами, на территории Грузии была размещена миссия наблюдателей ЕС, состоящая из 200 человек, которая действует до сих пор. С 2011 года персонал состоит из 300 человек, 220 из них являются наблюдателями, а остальные - сотрудники Тбилисского штаба и полевых представительств миссии в Мцхете, Гори и Зугдиди. В состав Миссии входили наблюдатели, представлявшие 26 из 28 стран-членов ЕС. Наибольшее число наблюдателей являлись представителями следующих стран: Германия (30 человек), Румыния (27 человек), Польша (18 человек), Швеция (17 человек), Франция (16 человек) и Италия (15 человек). Первоначальный мандат миссии был выдан на 1 год, однако впоследствии этот срок был продлен до 14 сентября 2013. Деятельность наблюдательной миссии ЕС распространяется на всю территорию Грузии, признанную в международном плане, и она не обладает исполнительными полномочиями [7]. Следует отметить, что до событий августа 2008 года в зоне грузино-абхазского конфликта действовала

миссия наблюдателей ООН, состоящая из 129 военных наблюдателей, 16 сотрудников полиции, 105 иностранных и 208 местных гражданских сотрудников [15]. Кроме того, в регионе действовала также Миссия ОБСЕ. Таким образом, Миссия ЕС в Грузии стала работать в тесном сотрудничестве с ОБСЕ и Организацией Объединенных Наций. В настоящее время международное присутствие в зоне конфликта обеспечивается только силами ЕС.

Как видно, мандат миссии наблюдателей ЕС обеспечивает проведение мониторинга выполнения соглашений от 12 августа и 8 сентября 2008 года, в том числе - мониторинга возвращения русских и грузинских вооруженных сил в места их постоянной дислокации до начала конфликта. Определены следующие основные цели миссии: содействие стабилизации и нормализации ситуации в зоне конфликта; мониторинг и анализ ситуации с точки зрения эффективного управления; содействие построению правового государства, охрана общественного порядка, обеспечение безопасности транспортной и энергетической инфраструктуры, обеспечение возвращения внутренне перемещенных лиц и беженцев; наблюдение за передислокацией войск Министерства внутренних дел Грузии и соблюдением сторонами прав человека и норм международного права; принятие мер по укреплению доверия между сторонами, снижение напряжения путем налаживания и упрощения отношений.

Как известно, одними из механизмов регуляции кризиса в Грузии являются переговоры в Женеве при организационной поддержке и под председательством ЕС, ООН и ОБСЕ. Переговоры в Женеве проводятся в рамках договоров от 12 августа и 8 сентября 2008 года. В этих переговорах на равноправной основе принимают участие Россия, США, Грузия, Абхазия и Южная Осетия. В четвертом раунде Женевских переговоров, состоявшемся 17-18 февраля 2009 года, были приняты «Предложения о механизмах совместного предотвращения инцидентов и реагирования на них» в зонах, прилегающих к Абхазии и Южной Осетии. В качестве целей совместных механизмов, принятых в четвертом раунде переговоров в Женеве, были определены: своевременная и адекватная реакция в сфере безопасности, включая инциденты, обеспечение безопасности особо важных объектов инфраструктуры, адекватная реакция криминальной деятельности, обеспечения эффективной доставки гуманитарной помощи и другие аспекты стабильности и безопасности. Согласно этому документу, представители всех структур, обеспечивающих безопасность в зонах конфликтов, обязаны еженедельно проводить совещания для того, чтобы обмениваться информацией о ситуации и координировать свою деятельность. В качестве основных задач этих структур определены: выявление и анализ потенциальных рисков, доставка и сопровождение гуманитарной помощи, совместное расследование инцидентов.

Томрис ВЕЛИЕВА

В состав исполнителей этих задач были включены представители структур, отвечающих за обеспечение безопасности и общественного порядка в соответствующих районах, а также представители международных организаций (ЕС и ООН / ОБСЕ) в зависимости от их мандатов и зон ответственности.

В целом, реализация миссии наблюдателей ЕС в Грузии обеспечивает снижение напряженности в зоне конфликта, способствует приобретению объективной информации о событиях, происшедших в зоне конфликта, создает возможность для оперативных коммуникаций между сторонами конфликта на рабочем уровне. Вместе с тем, как утверждают исследователи из США Чарап и Уэльт, риски, связанные с миссией, создают определенные неудобства, как во время ее пребывания, так и в последующий период. По их словам, в случае возобновления конфликта, немногочисленные и невооруженные наблюдатели с ограниченным мандатом не смогут оказать существенного влияния на ситуацию. При этом, сами они в лучшем случае смогут покинуть регион без потерь, а в худшем случае станут мишенью для провокации. Тем не менее, в конце 2010 года глава миссии наблюдения ЕС охарактеризовал ситуацию в зоне конфликта как «весьма стабильную» [1, с. 24].

Следует отметить, что ЕС признает территориальную целостность Грузии и считает, что Абхазия и Южная Осетия являются составными частями Грузии. Эта позиция глав государств и правительств государств-членов Европейского Союза была выражена в итоговом документе, принятом на состоявшемся 1 сентября 2008 года чрезвычайном заседании Совета ЕС [9]. В итоговом документе также нашел свое отражение план работы ЕС в регионе Грузия - Южная Осетия - Абхазия и в целом в Южном Кавказе. В документе выражалась позиция ЕС по поводу августовских событий в Грузии и подчеркивалась «глубокая озабоченность» в связи с этим «откровенно жестоким конфликтом». Европейский Союз отмечает, что проведение военных операций в целях достижения политических целей не является решением проблемы, и это недопустимо.

В итоговом документе в то же время ЕС резко осудил роль России в событиях, имевших место в Грузии в августе 2008 года. В частности, военные операции России в документе назывались «непропорциональным ответом». Кроме того, ЕС резко осудил решение России об одностороннем признании независимости Абхазии и Южной Осетии и призвал другие страны не принимать подобные резолюции. Свою позицию по вопросу о независимости Абхазии и Южной Осетии ЕС объяснял тем, что эта структура уважает принципы независимости, суверенитета и территориальной целостности государств, закрепленные в международном праве, Уставе ООН, Хельсинкском заключительном акте, а также в резолюциях Совета Безопасности ООН. Однако следует отметить, что Абхазия и Южная Осетия, считая себя независи-

мыми государствами, не допускают наблюдателей Европейского Союза в свои территории. С другой стороны, после войны в августе 2008 года Россия признала независимость Абхазии и Южной Осетии в качестве независимого государства и не поддерживает распространения миссии ЕС на эти территории. В частности, официальная Россия считает, что Абхазия и Южная Осетия сами успешно обеспечивают безопасность на их территории, а гарантом их внешней безопасности являются Российские вооруженные силы, дислоцированные на этих территориях. Несомненно, подобная позиция официальной России связана с тем, что присутствие международных наблюдателей в этих сепаратистских регионах Грузии окажет негативное влияние на способность России контролировать эти территории.

Неразрешенность Приднестровского конфликта на линии соприкосновения с непосредственными границами ЕС и, соответственно, сохраняющаяся напряженность между центральным правительством Молдовы и руководством сепаратистской так называемой Приднестровской республики серьезно беспокоят ЕС. Поэтому, с ноября 2005 года Евросоюз осуществляет свою приграничную миссию вдоль границ между Молдовой и Украиной. Миссия осуществляется на основании обращений президентов Украины и Молдовы, Меморандума о взаимопонимании, подписанного между правительствами Молдовы и Украины, с одной стороны, и Европейской комиссией – с другой стороны о создании миссии Европейской комиссии по оказанию приграничной помощи Молдове и Украине [13], и решения Совета ЕС от 7 ноября 2005 года [3].

Миссия ЕС по оказанию приграничной помощи Молдове и Украине, являясь консультационным и техническим механизмом, не имеет исполнительных полномочий. Миссия состоит из 200 человек, 129 из которых являются представителями 20 стран-членов ЕС, а остальные - гражданами Украины и Молдовы. К деятельности миссии привлечены также Грузия, Казахстан и Таджикистан. Вдоль находящейся под наблюдением миссии ЕС государственной границы протяженностью 955 км по суше и 267 км по воде, действуют 67 пунктов пересечения границы. Вместе с тем, контроль над государственной границей протяженностью 470 км, где имеются 25 пунктов пересечения границы, де-факто осуществляется сепаратистскими силами так называемой Приднестровской республики. Штаб-квартира Миссии находится в Одессе [8]. Основные цели миссии были следующие: совместная деятельность гармонизации стандартов и процедур пограничного контроля на молдавско-украинской границе в соответствии с европейскими нормами; оперативное повышение профессионального уровня таможенных и пограничных служб Молдовы и Украины; развитие системы анализа рисков; улучшение взаимоотношений и укрепление сотрудничества пограничных и таможенных служб с

МИССИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В ГРУЗИИ И НА МОЛДАВСКО-УКРАИНСКОЙ ГРАНИЦЕ

другими правоохранительными органами, содействие трансграничному сотрудничеству.

С целью повышения эффективности пограничного и таможенного контроля в рамках приграничной миссии ЕС в местах организуется обучение и консультирование сотрудников из Молдовы и Украины. Кроме того, проводятся тренинги по вопросам пограничного контроля, организуются поездки в страны Европейского Союза и другие соседние страны с целью обмена опытом. Тем самым, ЕС способствует усилению трансграничного сотрудничества и повышению уровня доверия и прозрачности на молдавско-украинской границе. К полномочиям сотрудников миссии ЕС отнесены следующие вопросы: присутствие при выполнении процедур таможенного оформления и пограничного контроля и наблюдение за ними; проверка правильности регистрационных записей, включая документы и электронные данные о пересечении границы; предотвращение незаконного перехода людей и товаров через границу; перепроверка и оценка оформленных грузов; право на беспрепятственный вход в любой пункт на молдавско-украинской границе, в том числе в пограничные части и таможенные посты, транзитные офисы, подразделения служб учета доходов органов внутренних дел и таможенных органов. Ниже приведены ожидаемые результаты деятельности приграничной миссии ЕС: повышение профессионального уровня пограничных и таможенных служб, совершенствование системы анализа рисков повышение уровня безопасности на границе, интенсификация трансграничного сотрудничества; снижение уровня коррупции; повышения уровня осведомленности местного населения о деятельности Европейского Союза.

Благодаря деятельности приграничной миссии ЕС на молдавско-украинской границе повысилось качество пограничного контроля, достигнута договоренность об унификации таможенных процедур, применяемых, в том числе, и к населению Приднестровья [5]. По данным доклада, подготовленного миссией в декабре 2008 года, за время осуществления

миссии обеспечена профессиональная подготовка нескольких тысяч сотрудников органов пограничной и таможенной службы. Кроме того, ЕС содействует обеспечению пограничных служб Молдовы и Украины современным оборудованием и даже бензином, необходимым для организации патрульной службы на границе [6].

Следует отметить, что главная причина создания приграничной миссии ЕС заключалась в том, что в результате Приднестровского конфликта на приграничной территории региона появилась неконтролируемая зона. Тем не менее, эта миссия не оказывает существенного влияния на урегулирование данного конфликта, и главная проблема, которая, по большому счету, привела к конфликту, осталась нетронутой. Несмотря на то, что миссия в немалой степени содействует нормализации жизни людей в регионе, но отсутствие прогресса в деле разрешения конфликта в будущем может привести к новой вспышке вооруженного конфликта. Именно поэтому мандат приграничной миссии ЕС в Молдове и Украине, первоначально выданный сроком на один год, позже неоднократно изменялся, и теперь был продлен до 30 ноября 2015 года.

Таким образом, становится ясно, что Европейский Союз, по сути, стал не только прямым участником дипломатических переговоров по урегулированию конфликтов на территории Грузии, но и организатором операции по поддержанию мира в зоне конфликта. Благодаря усилиям миссии ЕС удалось несколько снизить напряженность в зоне конфликта. В результате деятельности молдавско-украинской приграничной миссии ЕС был достигнут прогресс в деле укрепления трансграничного сотрудничества и укрепления доверия, а также в повышении прозрачности границы между двумя странами. В то же время, следует отметить, что, эта миссия не принимала непосредственного участия в урегулировании конфликта в Приднестровье. С другой стороны, ни в Грузии, ни в Молдове миссиям ЕС не удалось устранить причины и последствия конфликтов.

Литература:

1. Charap S., Welt C. A more proactive U.S. approach to the Georgia Conflicts. - Washington D. C.: Center for American Progress, 2011, p. 70.
2. Council Joint Action 2004/523/CFSP of 28 June 2004 on the European Union Rule of Law Mission in Georgia, EUJUST THEMIS. - <http://eur-lex.europa.eu>.
3. Council Joint Action 2005/776/CFSP of 7 November 2005 amending the mandate of the European Union Special Representative for Moldova. - <http://eur-lex.europa.eu>.
4. Council Joint Action 2008/736/CFSP of 15 September 2008 on the European Union Monitoring Mission in Georgia, EUMM Georgia. - <http://eur-lex.europa.eu>.
5. Dura G. The EU Border Assistance Mission to the Republic of Moldova and Ukraine / European Security and Defense Policy: the first ten years (1999-2009). - Paris: Ed. by G. Grevi., D. Helly, D. Keohane, 2009, p. 282-283.
6. EUBAM Annual Report. European Union Border Assistance Mission to Moldova and Ukraine. December 2008-December 2009. - <http://www.eubam.org>.
7. EU Monitoring Mission in Georgia. - <http://www.eumm.eu>.
8. European Union Border Assistance Mission to Moldova and Ukraine, December 2007. - <http://www.eeas.europa.eu>.
9. Extraordinary European Council, Brussels, 1 September 2008, Presidency Conclusions. - <http://www.consilium.europa.eu>.
10. Facts on EUJUST THEMIS. European Union Rule of Law Mission to Georgia, EUJUST THEMIS. - <http://www.consilium.europa.eu>.
11. Fisher S. The European Union Monitoring Mission in Georgia. European Security and Defense Policy: the first ten years (1999-2009). - Paris: Ed. by G. Grevi., D. Helly, D. Keohane, 2009, p. 379-390.

Томрис ВЕЛИЕВА

12. Kurowska X. The Rule of Law Mission in Georgia (EUJUST THEMIS). / European Security and Defense Policy: the first ten years (1999-2009). – Paris: Ed. by G. Grevi, D. Helly, D. Keohane, 2009, p. 201-209.

13. Memorandum of Understanding between the European Commission, the government of the Republic of Moldova and the government of Ukraine on the European

Commission Border Assistance Mission to the Republic of Moldova and to Ukraine. - <http://www.eubam.org>.

14. Merlingen M., Ostrauskaite R. EU Peacebuilding in Georgia: Limits and Achievements. The European Union and Peacebuilding. Policy and Legal Aspects. Ed. by S. Blockmans, J. Wouters, T. Ruys. The Hague, Asser press, 2010, p. 269-293.

15. UNOMIG – Facts and Figures. - <http://www.un.org/en/peacekeeping>.

Summary

The article examines the activities of the European Union mission in Georgia and the Moldovan-Ukrainian border, carried out in the framework of the common foreign and security policy. The author concludes that thanks to the efforts of the European Union mission, there was a relative decrease in voltage in the conflict zones, but the causes and consequences of the conflicts still not resolved. Emphasizes that the European Union mission on the Moldovan-Ukrainian border, despite its mandate does not directly engaged in the settlement of the conflict in Transnistria.

Keywords: Moldovan-Ukrainian border, security policy, European Union mission, the conflict in Transnistria.

Natalia PROBYGOLOVA,

associate professor of the chair of political sciences and international relations of Volodymyr Dahl East Ukrainian National University, candidate of political sciences

GENESIS AND EVOLUTION OF MYTHOLOGICAL FORMS WITHIN ORGANIZATION OF POLITICAL LIFE

Myth explains the past and the present as well as the future in equal measure [13, с. 217]

It seems that there is now more ancient form of systematic political thinking than a myth and there is no a form more contemporary because today the belonging to national, social group, professionally caste-ridden mythological complexes as an indispensable part of the entire civilization unites people with different life experience, education level and economical opportunities. The complex of social and political myths serves as an important criterion of the status of the political culture of the society in whole. Currently the notion of the political myth has been largely spread and has numerous vague meanings. In order to understand it we should address to the principal historical conceptions of the myth and try to determine the dominating paradigms of the analysis.

The investigation of spatial-temporal dynamics of the notion "political myth" has an important meaning for understanding the mechanism and regularities of the development of political culture. Researching the evolution of the notion "political myth" it is necessary to examine historical context of its development starting from antiquity to our time. The transformation of the meaning that is contained in the notion "myth" foresees the allocation of several main periods of its development.

Political myth is an object of studying for various researchers. Plato had already examined the myth as a tool of the politics, although the antiquity didn't set any specific political tasks and goals for the myth [8] However, the first solid theoretical best practices consecrated to this topic appeared at the end of nineteenth –beginning of twentieth century due to the researchers of C. Lévi-Strauss, L. Lévy-Bruhl, R. Barthes, E. Gellner, G. Hegel, J. Campbell, M. Eliade, J. Leon, J. Ortega y Gasset, F. Nietzsche, C. Jung, S. Freud, E. Cassirer, C. Schmitt, F. Schelling, K. Hubner and others. This topic was examined in detail by Russian and national researchers as follows M. Berdyaev, F. Buslaev, N. Butinov, V. Voitovich, M. Golovaty, E. Dotsenko, S. Kara-Murza, I. Kovalyova, A. Losev, S. Moskovichi, E. Meletinskiy, A. Potebnya, Y. Shaigorodskiy and others. Nevertheless, toady the existence of scientific

works that could accurately observe the evolution of the apprehension process of the mythological forms of political life organization is a subject for discussion. Such knowledge could become a theoretical base for development of programs aiming at formation of harmonic balance between rational and mythological components of consciousness in the context of social and organizational processes. Therefore, the goal of this article is to determine the matter and the principal stages of the evolution process of the mythological forms of organization of political life. This framework provides the problem definition within this article namely determination of peculiarities of main stages of development process of conceptions of political myth in historical retrospective.

We will try to give various interpretations of myth, particularly of political myth, with increase of desire to see in the myth not only a fairytale but a concrete method of reality comprehension. Besides, the increase of this desire corresponds to the sequence of concrete historical periods of development of below-specified interpretation types. With the help of such typology the principal ideas of mythologizing consciousness become clearer and more profound and that facilitates the practical problem definition and the consequent systematic search.

In our opinion, the following periods of political myths development can be marked out: allegorical (antiquity), theological (period of the early Middle Ages), ritual (period of the Renaissance), rational (the age of Enlightenment), romantic (nineteenth century), creative (twentieth century), integration (twenty first century). Separation into the above-mentioned periods is rather contingent. There are no pure allegorical, nor theological, neither rational, nor other periods. Let's have a detailed look on the following periods.

The first attempts to comprehend the mythological heritage have been already made in antiquity. The dominated interpretation of myth was allegorical. It was argued that myths incarnated folk wisdom and knowledge, but the right way to interpret them required the special training,

Natalia PROBYGOLOVA

notably interpretative realm of myth became a basis for manipulation. Regarding the manipulations in the antiquity, it is necessary to mention that there was no a distinct notion "manipulation" at that date. It is a case of social and educational functions of the myth with the help of which the society compels the person and controls him or her. Particularly, the myth for Plato is sacred and poetic word that accepts the character of the law and is able to persuade a person out of anything due to its mystic qualities. Greek philosopher Plato examined myth as a possibility to illustrate figuratively the philosophical constructions, and an imperfect myth was considered to be a fake. He proposed to use myth for the goals of upbringing of the rising generation. Moreover, the philosopher made an effort to justify the specific censor of the myth in his work "The Republic". Greek philosopher determined an emotional perception of the nation by the citizens as an effective method of governance. In this case the political myth can't be separated from the myth and has the same poetic fable as it has been noted in the Plato's construction [17, c. 380-382]. Hence, the pure falseness is abhorrent for the gods and for people but the "wordy falseness" might be useful because the myth always contains something credible and verisimilar. Invention of the myth comprises the ideas of verisimilitude, illustrates the truth, makes it more accessible for the everyday consciousness raised on the mythological images [16, c. 262]. Specifically, the usage of shameful images is able to create a connection between the gods and the auditors of the myth.

So, allegorical period of existence of the myth, particularly of the political myth, has the following peculiarities: personification, support of the ruling class with the help of allegories. The myth as a hub of knowledge and fiction possesses opportunities to form convictions that are useful for the nation. The allegorical approach in mythological studies points at three important features of any myth-making. First, the mythology is a method of generalization of the existence; secondly, any generalization foresees substitution of numerous features of certain objects for single sign; thirdly, such symbolic image can comprise sense bearing component that contains in its turn the mystery which must be examined. The evidence of inadequacy of the allegorical approach in mythological studies is the fact that allegorical interpretation selects only separate images from the whole mythological topic and endues them with definite external sense. In other words, the myth performs as an exceptionally rational product that pursues certain pragmatic goals of its author. The approach of the allegorical interpretation of myths elaborated in antiquity was used afterwards by many European thinkers of the later periods.

Next period of development of the notion "political myth" has direct relation to the appearance of the biblical mythology that is represented by texts which inform us about history of the Jewish people. At that time the notion of the myth was identified with the biblical truth. That is the reason why it can be conditionally called "the theological period". This period is described by creation of

certain connections between rather abstract symbols and notions. The pantheon of gods and its history is invented; in social aspect the transition from the primitive society to the formation of the city-state and polis system is occurred. Horizontal and vertical connections are rising. The example is the Greek city-states before the conquest of Alexander the Great. Meanwhile the antitypes, metaphoric images, stereotypes of behavior are created. The religious and mythological type of thinking is formed. Its appearance can be linked to the forthcoming of world religions and theories that have fixed mythological or historical precursor (in Christianity it is Jesus Christ, Mohammed is in Islam, for Zoroastrian studies it is Zoroaster, in Confucianism it is Confucius, in Buddhism it is Gautama, for Judaism it is Moses, etc.). The peculiarity of the theological period is the conception of the sovereign as a God's person, the advantage of the ecclesiastical power over the temporality. Besides, at this time there is a symbolic interpretation of the existing world. The system of the government, rights and responsibilities of the citizens are revealed due to the religious theories. The religious myth discovers all sides of the existing society of that time, reflects the reality by using religious (mythological) topics, predicts the future and designs the stereotypes of behavior placing them in the people's consciousness.

The third period of development of the notion "myth", particularly of the notion "political myth", continued its development in the Renaissance in which the considerable interest to the antique mythology increased. The antique mythology was interpreted as moral poetic allegories, as expression of the feelings and passion of the changeable person and also as an allegorical expression of some religious, scientific or philosophical truths. One of the unpopular efforts to examine the wisdom of the ancients belonged to the English philosopher Francis Bacon. At the end of the Renaissance, in the sixteenth century F. Bacon proposed to refuse the literal interpretation of the myth in the framework of the logic of this approach and to see the allegory of some important truth in it. F. Bacon considered that earlier the rational thinking was not developed enough and people invented myths in order to teach because at that time a person understood only what they perceived emotionally [1, c. 237]. The ritual and social interpretation was the first that presented myth as a form of existence which contains integral reality and determines the basics of the vital functions of the human community. Every time this reality and these basics are described with the help of more or less systematic connection of behavioral rules that refer to the traditions of private and public life, social system, nature, way of living in general. It was the ritual that was selected as a prefiguration and sample of these rules. The following people should be mentioned among the representatives of this approach: V. Manhardt and scientists of the Oxford and Cambridge universities (W.R. Smith, J.G. Frazer, J.E. Harrison, F.M. Cornfort, H. Murray and B. Malinowski). Also it is worth mentioning French scientists D. Durkheim and M. Mauss [19, c. 78].

GENESIS AND EVOLUTION OF MYTHOLOGICAL FORMS WITHIN ORGANIZATION OF POLITICAL LIFE

The anthropologic approach sees in myth the result of the false explanation of incomprehensible events of the surrounding environment by the primitive person; it even recognizes the mythology to be "the prime science". Customs, rituals, legendry and everyday life become materials for research. The functional theory of B. Malinovskiy [14, c. 278] and the ritualistic doctrine of the J. Frazer in which it was proposed a thesis about the priority of the ritual over the myth [6, ñ. 635] appeared in the framework of the anthropology. The researcher shows that in archaism society a myth fulfils not only explanation role, but also practical functions, supporting traditions and cultural succession owing to reminiscence of the prehistoric events. Myth strengthens morality, respective rules of behaviour and regulates the fixed social order. "A myth as a description of the initial reality that is still alive, as its justification due to the precedent, is a retrospection of the behavioural patterns and criteria of the moral values, justification of the existing social order and faith in magic. So, the myth is not only an interesting story, nor an analogue of the science, neither historical witness, nor fantastic explanation. It fulfils mainly the function inseparably related to the support of traditions and continuity of the culture, to the formation of the culturally mediate perception of the senility and youth and also of the historical past of the civilization" [14, c. 142]. The researcher's merit consists in connecting the myth with the magic and rites, in determining the social function of the myth in archaic societies.

At the beginning of the eighteenth century G. Vico published his book "Basics of the New Science about the General Nature of Nations". This was the first serious philosophical apprehension of the myth, that is characterized by the undeveloped understanding of the figurative nature of the mythological nature and also somewhat approach to the understanding of the mythological symbolics.

The attempts of the scientific interpretation of the myth reinforce during the fifth (rational) period. It happened at the end of sevnteenth – at the beginning of nineteenth centuries; in history this period was called the Enlightenment. The Enlightenment is a European common cultural movement for the spreading the rational knowledge, surmounting the religious obscurantism and ignorance in people's life, implementation of the values in social life that is based on the respect of the human dignity. The Enlightenment promulgated the ideas of the bourgeois democracy, social progress, equality, labour for the sake of the prosperity of the society, human liberty, and republican state system.

It should seem that the development of the historical rationalization of all realms of the social life, scientific thinking would cause the vanishing of the myth, substitution of the myth for the scientific explanation. However, the researcher of the mythology M. Eliade, professor of the University of Chicago, marked that the mythological thinking can get rid of the old forms and adapt to the new cultural order of the day, but it cannot totally disappear [5, c. 11].

Discussions regarding the rationalization of the myth, particularly of the political myth, become more

active during the crisis periods when the ability of the authorities to find a reasonable solution, to implement effective economical reforms is put in doubt. Meanwhile in the society the bases of the morality get loose and the mechanisms of the legal regulation become inoperative.

Characterizing the rationalism as a specific type of thinking and a peculiar component, it should be noted that its source is an antique philosophy, the modern ideas about science, are built according to the principles of insertion and of such elements as myth, religion, art in the structure of the rational cognition [4, c. 103]. The case is that scientific knowledge of the antique period was formed due to the existence of the previous historical knowledge and ideas about the world that were received in the context of the everyday life. Hence, the first emotional and contemplative form of the world's comprehension was the myth.

Examining the political myths in certain space and time frames, it should be mentioned that political myths are based on empiric facts, are perceived as rationally justified, i.e. these facts are clearly understood, are logically accentuated, are guided by the norms, are compulsory for all and are recognized by people. In this case one of the forms of the rational myth is the emphasis on the certain method of activity. The roots of the idea of so-called "rationalization" of the modern world are placed, first of all, in the sphere of manufacturing which gives conspicuous prototype to the world. In the book "The Truth of Myth" by Kurt Hubner it is shown how the research of the myth emphasizes the question of the truth of myth. This issue should be understood in the sense of Kant's "quaestio juris", namely as the question about the rational justification of the myth [10].

Representatives of the French Enlightenment examined myth as a product of ignorance, fraud and prejudice that should be contested. The doctrines of the German enlightener J. Herder became basics for creating romantic conception of the myth. The myth was now classified to the realm of everything that was eloquent and figurative. Romanticists created a dream about elaboration of the new mythology which had a basis in the form of the movement with distinct features of aestheticism [9]. The most conspicuous representatives of this approach are F. Schelling, F. Kreutzer, the Brothers Grimm. So, myths gathered the lost respect. At the end of eighteenth century E. Lessing was first who declared aesthetic principle of the modern art based on the mythology. German romancists hold a view that myth was the source for the modern artistic endeavor. During that time myths became the basis of the aestheticism but with their help the modern reality is interpreted, the human life is evaluated as an existence of any myth. In the work "Talk on Mythology" German philosopher F. Schlegel wrote that a myth is a poem of the nature, unity of numerous spiritual metamorphoses and poetic images. Schlegel used the majestic word "mythology" to describe any scientific theory, religion, mysticism and culture, in short, everything that represented the spiritual life of a man [20, c. 186]. The availability of the contrast is one of the most indicative features of the romantic type. Spiritual and material are hardly opposed against each other in the

Natalia PROBYGOLOVA

art of the romanticists. The romanticists declaimed against any exertion of self-interest, egoism and individualism which were extremely dangerous in terms of bourgeois society. They praised the life of uncivilized nations in which they saw the beginning of the collectivism, idealized the patriarchal peasant patterns of life, created social utopias, pictures of the ideal social future in which people live according to the rules of love and friendship.

The end of nineteenth and the beginning of twentieth centuries are conditionally called creative period in the development of the myth theory. Separation of political science into independent field and its rapid development was observing at that period. The political myth plays not the last role at that time. For example, representatives of the French sociologic school (E. Durkheim, L. Levy-Bruhl) were focusing on the social psychology, underlining the qualitative specific of the psychology of society and community. Thus, E. Durkheim indicated the undeveloped connection of the religious faith and mythology and he refers them to the sphere of collective perceptions. While searching the elementary religious and mythological forms, he addresses to the totemism in which he saw the reflection and formation of the patrimonial organization.

Great role in the development of the mythological theories belongs to L. Levy-Bruhl who determined the specific of the primitive thinking, its qualitative difference from the scientific thinking that manifested in the law of "participation", in affective, pralological character. The author demonstrated how the mythological thinking is acting, how it generalizes, staying concrete and using attributes. But the Russian researcher E. Meletinskiy remarked that through the lenses of "mysterious participation" L. Levy-Bruhl did not noticed the intellectual sense of the original mythological intellectual operations and their practical cognitive results. He considered the diffuseness of the mythological thinking to be a particular "non-logical" logic, almost fully closed for the personal and social experience, for logical operations. Besides, the theory of L. Levy-Bruhl with its accent on the emotional impulses and magic ideas as a basis of the mythological thinking opened the path also for the pure psychological interpretation of the myth.

During the creative periods one of the most principal approaches of the development of the political myth was psychoanalysis. There were numerous representatives of the psychoanalytic school: S. Freud, C.G Jung, A. Adler, J. Campbell, M. Eliade. In the myth Sigmund Freud saw the product of activity of the unconsciousness that had irrational character and unconscious desires and ideas. According to Freud, unacceptable motivations and interests are collected in the unconsciousness.

Another scholar M. Eliade examined the question related to the mythological time and space. He was convinced that the mythological or sacral time defined the worth of human existing; it was opposed to secular historical time. Folk memory is a receptacle of antitypes, it is directed for struggling against the historical time, while the mythologizing process is a rescue from the immutability of the historical time.

The structuralist theory of myths was elaborated by the French ethnologist C. Levi-Strauss, founder of the structural anthropology. In his opinion, the transformation of myths is passing not at the level of certain individual, but at the level of collective subject. French scientist R. Barthes thought that myth transformed (at the level of a sign) history to ideology because it used images that had been already depleted. In this case myths appeared as an instrument of political demagoguery. Hence, he gave bases for explanation of the mechanisms of the creation of political myths towards which he occupied categorically critical position. According to his conception, the language reflects the reality and, at the same time, the myth deforms this reality (2, c. 72).

The inventor of the symbolic theory of myth is E. Cassirer. He considered myth to be a complicated symbolic form that existed along with language and science. According to E. Cassirer, the symbolism of the myth achieves something that concrete and emotional mythological thinking can generalize and transform into sign or symbol. Mythic consciousness reminds the code to which the convenient key is needed. E. Cassirer determined some fundamental structures of the mythological thinking and the nature of mythological symbolism. We think that the author's conclusion about the double character of the political myth is very important. On one hand, a myth is a product of the collective consciousness that appears under certain conditions (situation of a crisis) and, on the other hand, political myths in twentieth century became a product of purposeful ideological production. Therefore, while researching the myth, it should be taken into account both "natural" and "artificial" moments of the formation of the political mythologies.

Social and psychological approach in mythological studies was launched by the works of W. Wundt, G. Le Bon, G. Tarde. This approach addresses to the deep psychic processes that explain the appearance of the myth, analyze mythological theories of illusions and suggestions and make attempt to comprehend and to classify mythological theories [Wundt ND].

G. Le Bon was the first who determined the characteristics of the social community behavior under the impact of suggestions and infection. Having understood the sense of the crucial moment of the history, he wrote: "The main characteristic feature of our epoch is the substitution of the conscious activity of individuals by the unconscious activity of the crowd" [12]. According to his point of view, the epoch of the crowd was change into the epoch of public that is formed by the mass publications. During the last quarter of twentieth century French sociologist S. Moscovici worked at in the frameworks of social and psychological studies of the myth. He developed the theory of the social representations that continued to some extent Durkheim's theory of collective representations. Social representations are understood to be irrational affects, views partially ideological and scientific knowledge in parvo. S. Moscovici proposed his own theory which explained the role of myths in the modern history. He said that the mass is an ensemble that has collective psychic commonness.

GENESIS AND EVOLUTION OF MYTHOLOGICAL FORMS WITHIN ORGANIZATION OF POLITICAL LIFE

Materialistic interpretation of myth has its origins in the rational ideas of the representatives of the Enlightenment, in classical German philosophy of L. Feuerbach and G. Hegel. Myth appears as a fantastic reflection of the reality that is motivated by the sphere of social and class interests and relations as an obsolete form of consciousness that gave place to the science.

This direction pertains to the Marxism and to numerous scientists of the Soviet school. The exception is the works of A.F. Losev in which he presented phenomenological disclosure of the myth as an indispensable category of the consciousness and existence.

In G. Sorel's interpretation, a myth is an inseparable social and psychological value in which the aspirations, feelings, interests, intuitive conviction of the social group are expressed. The following important components of the conception of G. Sorel's myth can be emphasized: myth is not a mistake but it carries certain ideology, realizes the function of the social cognition and appears faster as a process than as a status (conception rises up images and images, in their turn, awake feelings). In this regard the theory of G. Sorel determines the conclusion about relativity of the myth because the myth meets the conditions and methods of self-affirmation of the social community. For every concrete community there are specific conditions; hence, class plurality assumes also the plurality of myths.

The strengthening of the role of new information technologies, actualization of the issues devoted to the use of modern mass media for purposes of the informational manipulation, creativity – these are the features that pertain to the development of the scientific thought towards analysis of the political myth in XX² century. Integration processes that pass rapidly in the real world at different levels of its hierarchy and embrace all spheres of modern society's life are represented as a complex and multifaceted event. This event is characterized by the diversity of causes and consequences on the path of its realization. Political myth plays a controversial role but at the same time this role is very conspicuous. Canadian philosopher M. McLuhan noted that in modern post-industrial society myth is acts as a product of mass production, as a principle of organization of the collective consciousness, and television is represented as the main

source of myth-making in the twentieth century. M. McLuhan emphasized the role of information in the management of society and public opinion and he repeatedly remarked that mass communication played a key role in the formation of the state ideology and mythologizing of social consciousness. Transition to the information society and strengthening of the impact of mass communication give grounding to new approaches in analyzing this sphere.

The twentieth century is characterized by the rapid development of the political mythology. Political myth appears as a mean of integration of the state political development and it performs, thanks to Internet, as a multi-functional mean of the political communication. A great volume of information that is available at any time to any user stand for peculiarity of the political myth. Any outlet of the mass media and communication have not had possibilities to offer at any time to the user such considerable volume and content of information that can be received by the Internet user. The network is expected to substitute everything for the user – news agencies, journals, books, magazines, libraries, archives, concert halls, stadiums, etc. The reason is that all information can be converted into digital form and be presented in the Internet. These feasibilities of the Internet allow intensifying the social communication in society, increasing the quality and the efficiency of the information production and order.

Therefore, the realized historiographical analysis affords to emphasize the following approached in the political myth studies. Starting from Plato – he determined myth as a fraud in opposition to rational ideas and proposed to use selected myths in the purposes of education for rising generation. Since that time a tradition of opposition of mythological and rational cognition and examination of the first as a falsification of the existing reality was formed. The modern political science has just borrowed some elements from traditional mythology, which is penetrated by man's world perception and world view, his way of thinking. The images of the governance and state obtained more attractive character with the help of these elements. Hence, the researches on the genesis and evolution of the mythological forms within organization of the political life in the context of the development towards the normative and symbolic constructions of the image of the governance and state stand to be interesting and valuable.

Bibliography:

1. Bacon Francis. The Wisdom of the Ancients. - Moscow: Thought, 1978. - 125 c.
2. Barthes R. Myth Today. - Moscow: Progress Univers, 1994. - 230 c.
3. Batkin L. 1972. Renaissance Myth of a Person. - Moscow: Question of the Literature.
4. Dubovnik M. Antique rational culture and genesis of the scientific cognition. Series philosophy. - Lviv: Messenger of the Lviv University. - 2011.
5. Eliade M. Aspects of the myth. P. 11 in Series "Technology of the culture". - Moscow: Academic Avenue, Paradigm, 2005.
6. Frazer J.G. The Golden Bough: A Study in Magic and Religion. - Moscow: Politizdat, 1983.
7. Gaidenko P.P. History and Rationality: Sociology of Weber and Weber's Renaissance. - Moscow: Politizdat, 1991.
8. Glazunova S.M. Political myths as a factor of motivation of the political choice in the context of the integration processes in Ukraine. - <http://archive.nbuv.gov.ua>, - htm, accessed 7 July 2013.
9. Herder J.G. Ideas for a Philosophy of the History of Man p. 705 in Series "Memorials of the historical thought". - Moscow: Publishing house "Science", 1977.
10. Hubner K. The Truth of Myth. - http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Hubn/23.php, accessed 12 July 2013.

Natalia PROBYGOLOVA

11. Kiriluk F.M. The Contemporary Political Studies: Education Guidance for students of the higher education institutions. Kyiv: Centre of Educational Literature, 2009.
12. Le Bon G. The Crowd: A Study of the Popular Mind. - Saint Petersburg Publishing house "Maket", 1995.
13. Lévi-Strauss, Claude. Structural Anthropology. Psychology without Frontiers. - Moscow: EKSMO-Press, 2001.
14. Malinovskiy B. Magic, science and religion. Moscow: "Refl-buk", 1998.
15. Muller, Max. Comparative Mythology. Pp. 202-254 in the digest Chronicles of the Russian Literature and Ancientry. - Moscow: Thought, 1963.
16. Petrov A. Proclus' theory of the myth. - <http://ancientrome.ru/publik/petrov>, accessed 10 July 2013.
17. Platon. The Republic. p. 380 in Series "Discussion about the matter". - Moscow: Science, 2005.
18. Platon. The Republic. p. 382 in Series "Discussion about the matter". - Moscow: Science, 2005.
19. Romanenko Y.M. Myth as a science about the forms of the correct imagination. Mythology and everyday life. - St. Petersburg: Publishing House RCHA, 1998.
20. Schlegel F. Development of Philosophy in Twelve Books. Aestheticism. Philosophy. Criticism. - Moscow, 1983.
21. Shaigorodskiy, Yuriy. Myth as a Political Reality. Public Management: Theory and Practice. Collection of scientific works. Association of doctors of science in public management. - Kharkiv: Publishing house "DokNaukDerzhUpr", 2010.
22. Vico G. Basics of the New Science about the General Nature of Nations. - Moscow: RELF-book, 1994.
23. Wundt W. Die VolkerPsychologieProblems. - http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Wundt/PsNar_Index.php, accessed 16 July 2013.
24. Yakovlev D. Rationalization of the political cooperation as a factor of the formation of the democratic politics. - <http://www.social-science.com.ua>, accessed 10 July 2013.
25. Yakovlev D. The Rationalization of Political Interaction as a Factor of Establishing Democratic Politics. Education of the Region. - <http://www.social-science.com.ua>, accessed 14 July 2013.

Резюме

В статье исследуется процесс генезиса и эволюции политических мифов, формирование различных форм организации политической жизни общества, что является одним из важных вопросов современной политологии. Опыт других стран, позволяет исследовать механизм влияния общественно значимых ценностей на электорат в разные исторические периоды и взглянуть на политический миф в исторической ретроспективе, а также проследить эволюцию процесса осмысления мифологических форм организации политической жизни.

Ключевые слова: Процесс генезиса, политические мифы, механизм влияния общественно, исторической ретроспективе.

Victor MORARU,
PhD, professor,
Institute of Juridical and Political Research,
Academy of Sciences of Moldova

Alexandru GRIBINCEA,
PhD, professor,
Institute of Juridical and Political Research,
Academy of Sciences of Moldova

Aliona DANILIUC,
PhD student, lecturer,
Free International University of Moldova

INTERNATIONAL ECONOMIC COOPERATION: ASPECTS OF STRATEGIC DEVELOPMENT

Harsh conditions of living and working of some socio-professional groups have generated and stimulated the idea of association of the production, services, supply procurement, consumption. It may be said and supported that cooperation system and cooperatives have emerged as a result of poverty, of looking for solutions to ensure access to economic, market, to support achieving a decent standard of living, in the context of social existence and maintenance of inequities. In addition, a stimulating factor was the social life, social relationships, limiting access to education, healthcare etc. Solidarity as a social phenomenon was affirmed for promoting and supporting the cooperative system of organization.

Cooperation efforts were one of the most significant responses to classical liberalism and the development of capitalist society in the nineteenth century. Born - in its modern form – in the mid-century, cooperation has deep roots in history. They were found in the common property of the primitive society and had continuous manifestations in the pre-modern history. Modern and contemporary cooperation exegetes consider - almost unanimously - that the pre-modern forms of similar organizational structures were characterized by spontaneity, transience, instinctually, being the result of temporary circumstances, but not of free and conscious association [4, p. 306].

Cooperative principles, viewed in a systematic view, is the driving force of the cooperation movement, but also represents „the essential qualities”, which provide efficiency to the cooperators, distinction and value to the cooperation movement. Fighting against poverty, combating poverty can thrive, it is possible to ensure the prosperity of those who are associated, it can contribute to raising their civilization level.

According to the experts, modern and contemporary cooperation has the specific feature of being organized. It was born from a deep need that refers to the evolution of society towards capitalism and industry. Controversial under the aspect of doctrine, consumer cooperatives started as a practical experiment and developed their own theory. Some authors consider that cooperatives would be likely to bring in the present experiments of the pre-modern era. Others, however, consider cooperatives as a viable alternative to capitalist and socialist models of the past two centuries. Beyond such doctrinal controversies, the reality stands out according to which, as it professor Gromoslav Mladenatz stated, „Cooperative is the only experiment of the nineteenth century that succeeded” [3, p. 150].

Started from the need of economic and social empowerment of disadvantaged masses of capitalist evolution of society [2, p.8], modern international cooperative

Victor MORARU, Alexandru GRIBINCEA, Aliona DANILIU

succeeded in establishing itself as a reality with favourable results on participants regarding its activity. „Cooperative reality is proof that the cooperative formula sprang from the need and corresponded to the mood and action of the time. Without violating realities and feelings, without overthrowing institutions proven to bring benefit, cooperatives try to correct the wrong aspects and facilitate the world placement with more justice” [1, p. 219].

Cooperatives have emerged as a social and economic necessity in order to satisfy the needs of large group of small producers. Taking the specific elements of the objectives and purposes from the companies and non-profit entities, cooperatives were able to shape a distinct purpose that has proven its viability and future development possibilities. Harsh conditions of life and work of socio-professional groups have generated and stimulated the idea of joint in production, services, procurement, purchasing, and consumption. The authors argue and state that cooperative system and global cooperative emerged as a result of poverty, of seeking solutions to ensure access to economic life, market, to help to achieve a decent standard of living, in the context of existence and maintenance of social inequities. In addition, a stimulating factor was social life, social relations, limited access to education, education, healthcare etc. Solidarity as a social phenomenon, stated in the direction of promotion, support of the cooperative system of organization [1, p. 220].

Since their beginning, cooperatives were a viable alternative to promote the legitimate interests of disadvantaged segments of the population. Rural population, refugees, immigrants, the unemployed, the elderly and persons with disabilities found in cooperatives the means to improve their situation [6].

By accepting the assertion “future of the past” gets us face to face with the question: “Is it possible cooperative form of organization of economic activity in the context of globalization?” [5]. As surprise, the answer to this question is positive. Harsh conditions of living and working of some socio-professional groups have generated and stimulated the idea of association in such spheres as production, services, supply procurement and consumption. It can be said that cooperative system and cooperatives have emerged as a result of poverty, looking for solutions to ensure access to economical life, market, to support achieving a decent standard of living, in the context of social existence and maintenance of inequities. In addition, a stimulating factor was the social life, social relationships, limiting access to education, education, healthcare, etc. Solidarity as a social phenomenon appeared to promote and support the idea of cooperative system of organization.

Cooperation of efforts, seen in a systematic vision, represents the driving force of the cooperative movement, and also „the essential qualities”, which provide efficiency to co-operators, distinction to cooperatives and value to cooperative movement. The authors insist that only through cooperation we can fight with the strategic issues both at the international level and economic, and socio-political, and there can be progress, can be ensured the

prosperity of those who are associated, the level of civilization can be increased.

Economic and social inequities occur today, even on a global scale. The gap between rich and poor has widened into a chasm between rich and poor countries. Enacted decades many organizations and institutions led by the UN in economical, food and culture development ended without achieving objectives if we aren't categorical to say that they finally ended in fall.

Technical, scientific, technological and innovative progress of humanity is generating positive and negative effects, contributes to changes in the natural environment, to the increase of prices volatility of final products, including food, agricultural, household, to the heterogeneous increase of population in profile regions, countries, continents. And if possibilities of economic sciences in the process of practical solving of problems are more or less homogeneous in the profile of states, then they (economic sciences) are not always required by the governments of some countries.

In consequences, preconditions are created for increasing budgetary deficits, public debt, financial instability, vital systems, and the created problems get a global importance (severity), become risks generating under the most diverse forms. In these circumstances there is a need to group, classify the risks generating problems, to establish direct connections between inputs and outputs of the risk generating systems, to highlight problems, whose solving requires international cooperation efforts by the G-7, G-8, G-20, the international alliances of the various forms, including cooperative.

On Earth, in different regions, in the context of globalization, the most different problems appear by the level of complexity and content, and solving them requires intergovernmental cooperation efforts. The authors conceive cooperation efforts as the actions of several companies, corporations from one country or several countries that through their activities contribute to the implementation of goals of economic, ecological and social importance for a region, a country or several countries, or even for humanity. Cooperation in such cases, contributes to achievement of synergistic results, create preconditions for each participant to carry out its activities according to its own optimization criteria. Local, regional, national, interstate and world cooperation, depending on the problem to be solved, are being transformed in „mechanisms”, levers, efforts that can be directed and managed.

The negative effect is amplified with the signs of recession, even in developed countries (as in the USA, Germany, Japan, etc.), as a background of the phenomenon of reaching the limits of capitalist development of the economy uninterrupted ascension, aka free market (as used in the present). The effort made by the former FRG (and Germany over the present) in territorial, political and economical unification is felt ever more; in addition, the effort was potential because of the financial support (since 1989) of Hungary and Poland. That is the way how new economical contradiction appeared; new social problems appeared and amplified within developed countries.

INTERNATIONAL ECONOMIC COOPERATION: ASPECTS OF STRATEGIC DEVELOPMENT

Competition – the main element of market economy has come to support the organization of associations and the cooperative system. Through a federal law, the United States was willing to organize food products producers into a network of distribution cooperative units to deliver their products directly to the final consumer. The measure was a response in terms of protection of domestic production on the U.S. domestic market to competition by foreign companies in terms of capitalist distribution, which proved uncooperative with federal policy in retail prices.

International Trade Policy in the cooperative alliance can be effective in cases where taxes on imported products are „superstate” by importers.

Cooperation generates productive systems based on principles and technologies, they can be multispectral, create preconditions for increasing demand, for solving the marketing type problems, create a comfortable space for the activities of all economic subjects. Cooperation can arise „by themselves”, but can be supported and encouraged by institutional and productive infrastructure. Cooperation is usually under „agglomeration” of cities targeted for creating mutual „comforts”, for example cooperation in producing products such as dairy, the production of agricultural raw materials. The authors consider that cooperation contributes not only to problems of national and worldwide importance, but it makes the work more effective, reduces unemployment, helps to implement innovations and performing technologies.

One of the possible forms of cooperation organization of efforts are the creation of corporate alliances. Interests, leading to initiation of alliances, may be tendencies of each participant to avoid certain risks; expansion of the market, achieving additional profits from the final product volume growth, achieving synergistic effects, creating opportunities for modernization of technologies, for implementation of innovative ideas.

In the authors' opinion, the cooperative alliances can be scientific, economic, environmental, military, social, depending on the purpose of the subjects, countries (eg. BRICS alliance). At the global level, which requires the efforts of all countries (at least those from G-20), alliances may be formed to address the problems listed in (1) - (17) blocks from the block-diagram in Figure 1. However, alliances can be formed on the basis of partnerships, unions that therefore may contribute towards the creation of premises, favours and conditions. Alliances can be of type of technologies and marketing, through creation of new businesses, structures, they can be directed to solving strategic problems of rural, urban and regional area; alliances usually appear between corporations, using the same level of efficiency technologies (BRICS) between corporations in the U.S., Japan, EU, users or producers of performing technologies. Among the branches of finished products and modern complex technologies, of performance, there can be included: pharmaceutical, construction, medical equipment, telecommunication, equipment for computers, high-called industries. Other branches (medium-high Technology Industries) are: transport equipment, chemicals, construction

of vehicles. These branches are strongly developed by G-7 countries. BRICS, taking the advantage of the reduced payroll turned into an attractive force, in recent years managing to considerably increase the GDP.

Long-term alliance between the G-7 countries and BRICS countries cannot be created because BRICS productive technologies are significantly lower to the advanced technologies from G-7 countries; there is a lack of demand for modern and performing technologies in BRICS countries, corporations producing technologies do not have sales market in these countries; the intellectual and professional level of labour in BRICS is below the requirements for employment in manufacturing and performing technologies.

The interstate cooperation are required to mitigate the consequences of economic and financial imbalances, demographic and environmental changes, budget deficits, debt, banking systems malfunction, the high level of unemployment. The listed problems can be solved exclusively through the collaborative efforts of international cooperation [6, p.110]. For this purpose it is necessary: to promote fiscal activities; to conduct economic restructuring; foreign exchange stability assurance, reducing volatility; real estimation of the economic situations from different countries.

Heterogeneity of household income is generated by a number of factors, including the budget deficit, the state debt. Imperfection of the world banking system, public fiscal policies have generated huge national debt, further supported by budget deficits in 2013. Ways to solve this problem are different. This aspect has an explanation. For example, in EU countries, policies to reduce the budget deficit, public debt may be imposed. U.S. tax policies, adopted in 2013, according to the authors, may serve an example for other countries.

Decrease of the budget deficit by the progressive correlation of the amount of tax the taxpayer's income tax, reduces the potential of social unrest. Homogenization of the tax burden, the massive decrease of social benefits (e.g. Greece, Romania, Spain) are not the most appropriate ways to reduce budget deficits, public debt. In this context it should be stressed that there are two problems: the development of policies for compliance with economic situations - consequences of inappropriate economic policies of the past; the development of policies that would exclude unnecessary accumulation of public debt. Problems created can be solved only through international cooperation efforts by systemic treatment.

Through the cooperation there are achieved economic efficiency and quality of goods and services, decrease in price of goods and raising the living standards for the population. Efficiency and quality are improved as co-operators produce primarily for them. Goods will be cheaper because through the cooperation there are removed numerous categories of intermediaries (which occur between producers and consumers) and that make final goods and services more expensive. On this basis, there is improved the relationship between income and prices, with positive effects on living standards.

Victor MORARU, Alexandru GRIBINCEA, Aliona DANILIUC

Bibliography:

1. Daniliuc Aliona, Gribincea Alexandru. Dezvoltarea și diversificarea activităților economice a cooperăției de consum din Moldova. Analele ULIM vol.13, Seria Economie. - Chișinău, 2012.
2. Daniliuc Aliona, Gribincea Alexandru. Кооперирование и международное сотрудничество - залог устойчивого экономического развития страны. Materials of the 1st international reseach and practice conference „World economy, finances and investments: modern view on the actual problems”, 20-21 november 2012. - Donetsk, 2012, p.7-10.
3. Mladenatz Gromoslav. Istoria gândirii cooperative. - București: Editura Institutului de Arte Grafice „Lupta” N. Stroilă, 2005, p. 150.
4. Popescu Gheorghe. Evoluția gândirii economice. - București: Editura Academiei Române, Cluj-Napoca, Cartimpex, 2010.
5. www.eurocoop.org
6. www.ica.coop

Резюме

Статья посвящена концептуальным вопросам, определяющим суть международного сотрудничества и особенности тех стратегических задач, которые можно решить на международном уровне только благодаря усилиям сотрудничества. В этом контексте авторы предлагают понимать сотрудничество как согласованные действия нескольких компаний, корпораций из одной страны или нескольких стран, которые в рамках своей деятельности способствуют достижению целей экономического, социального и экологического характера для региона, страны или ряда стран одновременно.

Роль кооперации возникает, несомненно, в процессе принятия решений о наиболее эффективной форме развития бизнеса, кооперация является частью предпринимательского частного сектора, его структурированной, последовательной составной. Именно она в состоянии гарантировать и содействовать полноценному развитию общества. Немаловажное значение приобретает в современных условиях социальный потенциал международного сотрудничества, позволяющий осуществить реальное объединение материальных и интеллектуальных усилий, расширить рамки действий экономических агентов, включив их в широкую, целостную экономическую систему. Приводимые в статье факты свидетельствуют о том, что сотрудничество генерирует производительные системы, основанные на современных принципах и модернизированных технологиях, что позволяет обеспечить комплексность действий, создает предпосылки для увеличения спроса, решает некоторые проблемы маркетинга, создает комфортное пространство для деятельности всех хозяйствующих субъектов.

Ключевые слова: сотрудничество, развитие общества, маркетинг, социальный потенциал.

Рагим СУЛТАНОВ,

докторант Института правовых и политических исследований Академии Наук Молдовы

ГРАЖДАНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ – ОСНОВА ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Процесс модернизации в новых независимых государствах, образовавшихся после распада СССР, охватил все сферы общественно-политической и экономической жизни. Большинство из них избрали в качестве ключевой концепцией модернизацию процессов европейские ценности и демократический курс развития.

Так как основу любого демократического общества составляют права и свободы человека, ключевой проблемой в новых независимых государствах стала выработка, реализация и развитие механизмов защиты прав и свобод человека и гражданина, их политическая и юридическая социализация и формирование гражданского общества. Это в полной мере касается и Азербайджанской Республики, чей политический курс является – интеграция в европейское пространство [8, с. 344].

Как считают многие исследователи, главным препятствием для модернизации и демократических процессов является низкий уровень вовлеченности граждан в процессе управления на местном и центральном уровнях и в процессе принятия политических решений.

Если рассматривать эту проблему с другой стороны то следует признать, что главная проблема нашего общества заключается в отсутствии правовой и политической культуры граждан. По нашему мнению, решениями этой проблемы являются гражданское образование и правовое воспитание граждан.

Демократию нужно учиться, для нее нужна высокая правовая и политическая культура масс. Правовые идеи и принципы являются неотъемлемым элементом культуры, которая исторически отражает определенный уровень развития общества, творческих сил и способностей человека, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельностью людей, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях [3, р. 144].

Важнейшая цель реформирования азербайджанского общества сегодня – развитие демократии, утверждение прав человека, его достойной жизни. Любые политические преобразования, проводимые государством, не могут осуществляться без массовой поддержки граждан, устойчивого морального со-

стояния общества, правового просвещения, воспитания граждан в духе уважения к праву и законности.

В нынешних условиях, особую актуальность приобретает вопрос повышения уровня правовой культуры как целостной составляющей современного демократического общества, построенного на принципах свободы, нравственности и уважения прав и свобод человека [11, с. 235-236].

Для того, чтобы принять необходимые меры в данном направлении, следует проникнуть в суть и понять, что такое правовая культура и как оно проявляется; что такое гражданственность и как ее развивать в обществе.

По своей сущности понятие «правовая культура» многоаспектно, поэтому в научной литературе выделяются многочисленные его определения. Мы согласны с определением данное профессором Г. Костаки и С. Злобиным по мнению которых: «правовая культура – это качественное состояние правовой жизни общества, выражающееся в уровне развития правовой деятельности, юридических актов, правосознания и в целом в уровне правового развития человека, а также степени гарантированности государством и гражданским обществом свобод и прав человека [5, с. 267-268].

В тоже время мы ближе к определениям, которые рассматривают правовую культуру как социальную ценность. Это:

- Культура правосознания – высокий уровень правосознания, включающий оценку закона с позиции справедливости, прав человека;

- Культура правового поведения – правовая активность граждан, выражающаяся в правомерном поведении;

- Культура юридической практики – эффективная деятельность законодательных, судебных, правоприменительных, правоохранительных органов [9, с. 144].

Правовая культура – это определенный характер и уровень творческой деятельности личности, в процессе которой она приобретает или развивает свои правовые знания, умения, навыки. Она выступает как результат творческой деятельности в сфере права.

В данном контексте подчеркнем, что правовая культура проявляется главным образом в *гражданст-*

Рагим СУЛТАНОВ

венности, которое предполагает активное и самостоятельное участие в политической жизни граждан [10, с. 49-50].

На сегодняшний день, гражданственность признана как основа культуры современного человека; развитое политическое сознание граждан в сочетании с ответственностью. Это основополагающее качество, присущее гражданину в условиях правового государства, вовлекающее его в решение общественных и государственных проблем [4, с. 23].

Понятие гражданственности включает в себя некоторые важные элементы как [4, с. 26]:

- понимание своих прав и свобод и умение использовать их на практике в рамках уважения прав и свобод других граждан;

- личную ответственность за свой выбор и свое поведение, осознание необходимых юридических и моральных обязательств перед обществом и государством;

- действенное и критическое отношение к социальной реальности на основе свободного личного выбора, моральных убеждений и побуждений, идеалов равноправия граждан и суверенитета народа по отношению к власти;

- способность вести позитивный диалог с властью, другими гражданами и гражданскими объединениями;

- осознание своей гражданской идентичности – принадлежности к стране, обществу и государству, их правовому, культурному и языковому пространству.

Соответственно, сегодняшний гражданин должен разбираться в государственном устройстве, в политических целях, общественных организаций, технологиях их достижения. Он должен хорошо знать законы, регламентирующие деятельность государственных органов, знать правовые нормы, устанавливающие характер взаимоотношений между государством и обществом, быть готовым к их соблюдению. Именно такая готовность находит выражение в понятии «гражданственность».

С этой точки зрения исследователи утверждают, что в современном понимании гражданственность – это «активность в реализации в стране народовластия, предполагающего компетентное и заинтересованное участие каждого гражданина в управлении обществом, в конкретных социально-ценных делах, в политической, социальной, экономической жизни государства, поддержании правопорядка, повышении готовности к организаторской, управленческо-исполнительной деятельности, к самостоятельным инициативным действиям в интересах страны и в целях достижения собственного жизненного успеха» [6, с. 102].

Следует подчеркнуть, что воплощение идеи гражданственности в реалиях демократического правового государства предполагает ограничение монополии государства на власть и изменение соотношения между государством и обществом в пользу общества и отдельной личности.

С этой точки зрения, важно отметить, что доб-

ровольное гражданское участие, гражданская культура и вовлечение населения в управление общественными делами составляют основу демократии [2, с. 59].

В тоже время, следует осознать, что гражданственность как интегральная характеристика личности не наследуется. Она вырабатывается личностью в сложном процессе социализации, где одновременно участвуют различные общественные институты, начиная с государства, кончая семейными, образовательными, религиозными и т.п. Государственные установления, семейные, религиозные и другие нормы и ценности являются основой гражданской культуры общества [4, с. 28].

Формирование гражданственности как интегративного качества личности, позволяющего человеку осуществлять себя юридически, нравственно и политически дееспособным, происходит в процессе *гражданского образования*. Основная цель – это воспитание в человеке нравственных идеалов общества, чувства любви к родине, потребности в деятельности на благо общества и т.п. Главные направления *гражданского образования* являются: политическое и правовое воспитание, правовое обучение, воспитание уважения к правам человека и ответственности перед обществом, экологическое образование и воспитание культуры межнационального общения.

По мнению исследователей, воспитание надлежащего правосознания и правовой культуры у населения социально значимо в нескольких аспектах [7]:

- во-первых, это обогащает внутренний, духовный мир человека;

- во-вторых, инициирует установку на правомерное поведение;

- в-третьих, повышает гражданскую и правовую активность людей в делах государства и общества (особенно в сфере государственного управления, охраны правопорядка и осуществления правосудия);

- в-четвертых, помогает эффективному осуществлению своих прав и обязанностей;

- в-пятых, активизирует правозащитное движение в обществе.

В тоже время, в новых демократических условиях воспитание должно быть направлено главным образом на преодоление негативных стереотипов массового сознания, правового нигилизма, на адекватное отражение существующих правовых реалий, на возможность стать средством формирования общественного правосознания на всех его уровнях [12, с. 198].

И в этом аспекте огромная роль принадлежит гражданскому образованию, без которого успешное правовое воспитание невозможно. Гражданское образование – это общественно-государственная, социально – ориентированная система непрерывного обучения и воспитания, направленная на формирование гражданской компетентности, демократической культуры, удовлетворение потребностей в социализации в интересах личности, гражданского общества и правового государства.

Главной целью гражданского образования

ГРАЖДАНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ – ОСНОВА ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

можно считать формирование гражданских качеств на основе новых знаний, умений и ценностей, способствующих личности разрешать возникающие проблемы, адаптироваться к изменяющимся социально-экономическим и политическим условиям, а также представлять и защищать свои права и интересы, уважая интересы и права других людей [4, с. 32].

К сожалению, как утверждают эксперты – главная проблема азербайджанского общества на сегодняшний момент связана с тем, что население плохо знает свои права, какой бы сферы они ни касались. Граждане начинают интересоваться этими вопросами только тогда, когда их права нарушаются. Хотя, понятно, что если бы они их знали, то многие нарушения удалось бы предотвратить. Причем правовая безграмотность характерна не только для граждан, но, к сожалению, и для чиновников, рядовых сотрудников правоохранительных органов [1].

Следовательно, знание каждым гражданином своих прав, правовая грамотность, широкая информированность населения и общественности – сегодня это приоритетные направления азербайджанской государственности на пути к интеграции в мировое сообщество [8, с. 350]. По нашему мнению, только в этих условиях возможно и развитие гражданственности и подлинного гражданского общества.

Конечно, важные шаги в данном направлении уже сделаны. Идея высокого уровня правовой сознательности и культуры общества как главная составляющая правового государства, находит свое отражение в *Национальном плане действий по защите прав человека*, утвержденном распоряжением президента Азербайджанской Республики от 28 декабря 2006 года. В соответствии с упомянутым документом перед государственными органами ставится задача по повышению юридической грамотности, росту правосознания и правовой

активности населения, предусматриваются мероприятия, нацеленные на повышение уровня правовой культуры, как всего общества, так и отдельного человека.

Национальная программа действий в сфере защиты прав человека, утвержденная президентом И. Алиевым 27 декабря 2011 года, направлена на повышение эффективности защиты прав и свобод человека, развитие правовой культуры и правосознания наших граждан, воспитание их в духе уважения к закону и правопорядку.

Таким образом, руководством страны выражена твердая политическая воля относительно преодоления правового нигилизма и повышения правовой культуры населения.

Потребности общества в успешном решении этих вопросов велики. Этого требует намеченная в программных документах стратегическая задача о том, что Азербайджанская Республика должна быть сильной, современной, процветающей страной, развивающейся на демократических принципах и гуманистических идеалах.

В заключении подчеркнем, что укрепление молодого правового государства, развитие демократии в Республике и модернизация страны во многом зависят от уровня правового сознания, правовой и политической культуры населения, от правильного понимания каждым гражданином своих прав и свобод, умения их использовать, от готовности исполнять свои обязанности, поступать всегда в соответствии с законом, от готовности граждан принять участие в управленческом процессе. Поэтому дальнейшее упрочнение правовой основы государственной и общественной жизни обуславливает необходимость улучшения и повышения качества правового воспитания и гражданского образования населения.

Литература:

1. Алибеков В. Интервью. - Азербайджанские известия, 2008, № 225 (1212).
2. Ахмедов М.А. Гражданское общество и его связь с журналистской этикой. Сборники конференций НИЦ Социосфера, 2011, № 11.
3. Бабаев В.К. Правовая система общества. - Нижний Новгород, 1993.
4. Костаки Г., Боршевский А. Хартия Совета Европы о воспитании демократической гражданственности и образовании в области прав человека. - Кишинэу: Национальный Институт Женщин Молдовы «Равноправие», 2012.
5. Костаки Г., Злобин С. Правовая культура в современном государстве. - Функционирование демократических институтов в правовом государстве. Материалы международной научно-теоретической конференции. - Кишинэу: Центральная Типография, 2003.
6. Кузнецова Л.В. Ретроспектива развития идей гражданского воспитания в России. - Педагогика, 2006, №10.
7. Мустафаева Н. Правовая культура: опыт Азербайджана. - <http://bakupost.az/kosheyazilari/20130306041042799.html>.
8. Рагимов Э. Р. Модернизация современной общественности в Азербайджане: проблемы политической социализации. Сучасна українська політика. Політики і політологи про неї. Киев, 2009, Вип. 17.
9. Скакун О.Ф. Теория государства и права. Учебник. - Харьков: Консум, 2000.
10. Скрипник В. Роль гражданина в становлении демократических институтов власти. - Закон и Жизнь, 2006, № 1.
11. Султанов Р. Роль правового воспитания в гражданском обучении. «Активные методы гражданского воспитания», научно-практическая конференция (20 мая 2013, Тирасполь-Комрат). - Комрат: Институт Демократии, 2013.
12. Теория государства и права / под ред. проф. А.С. Мордовца, проф. В.Н. Синюкова. - Москва, 2005.

Summary

The article investigates the main aspects of civic education as a basis for the modernization of the Azerbaijan Republic. The author emphasizes the nature and role of the legal culture and the citizenship in the development of democracy. Argues the need and importance of legal education and civic education in strengthening the rule of law and the modernization of society.

Keywords: Republic of Azerbaijan, modernization, democracy, legal culture, citizenship, legal education, civic education.

Тудор ПЫНЗАРУ,

докторант Института правовых и политических исследований Академии наук Молдовы

ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ: ФОРМЫ, ПРИНЦИПЫ И УСЛОВИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Одна из основных проблем современной демократии заключается в отчужденности граждан от политических процессов [1], от управления государством. Соответственно, в данных условиях особое значение приобретает гражданское участие и вовлечение граждан, как процесс и результат.

Участие представляет собой одну из основных целей и само по себе ценно. Это явствует из того, что право на участие в общественных процессах принятия решений фактически признается мировым сообществом в качестве одного из основных прав человека. Участие ценно также в качестве инструмента, который может содействовать достижению других основных целей. В частности, участие может способствовать развитию демократии, укреплению социального капитала, повышению эффективности, обеспечению поступательного роста и поощрению инициатив в интересах малоимущих, равенства и социальной справедливости.

Участие широких слоев населения в общественных процессах принятия решений имеет самые разнообразные последствия, в частности для экономического роста и развития, прав человека, демократии, социального капитала, децентрализованного управления, эффективности использования ресурсов, равенства и социальной справедливости и устойчивого использования ресурсов окружающей среды [3].

Концептуально в основе участия и вовлечения граждан лежит идея о том, что привлечение заинтересованных сторон к принятию решений, влияющих на судьбу их общин, и к рассмотрению более общих социальных вопросов обладает важными социально-экономическими и политическими преимуществами. Вовлечение граждан предполагает процесс, включающий выявление заинтересованных участников, создание систем, способствующих их привлечению государственными должностными лицами, и формирование разнообразных механизмов участия.

Участие в разработке политики традиционно рассматривается лишь в контексте прямого представительства в рамках избирательного процесса. Выборы общественных деятелей, представляющих и пропагандирующих политику, которая совпадает с восприятием гражданами их приоритетов и потреб-

ностей, являются наиболее распространенной формой вовлечения граждан в политическую деятельность. Однако изменение роли органов государственного управления и рост ожиданий со стороны части граждан формируют новый динамичный порядок удовлетворения потребностей граждан. Необходимы дополнительно создаваемые новые механизмы и институты, обеспечивающие участие граждан в определении политики, в частности не связанные с избирательным процессом и дополняющие его [3].

В контексте развития в общественно-политическом пространстве партиципативного тренда власти стали использовать ряд механизмов для вовлечения людей в процесс выработки решений, в частности, в рамках местного самоуправления.

Инструменты реализации участия, можно условно разделить на 3 типа [2].

Это, во-первых, *инструменты информирования* граждан представителями власти. Информирование людей направлено на формирование у них представлений о существующем положении вещей, тенденциях в развитии территории, региона, страны и постановки перед ними вопросов для согласования его дальнейшего развития. Информирование граждан является основой их последующего вовлечения в процесс согласования.

Несмотря на рост в странах Запада числа людей с активной гражданской позицией, массовое вовлечение граждан в общественную деятельность остается проблематичным. Поэтому использование различных инструментов информирования граждан должно быть направлено, в том числе, на мобилизацию людей к коллективному действию для решения общих задач и достижения общих интересов.

Инструменты информирования, используемые для вовлечения граждан в процесс согласования политики, проводимой в рамках местного самоуправления (или на региональном, национальном уровне), представляют собой классические средства коммуникации. Так, в целях информирования граждан используются местные газеты, местное телевидение, листовки, горячие линии, различные интернет-площадки, рассылка обычных и электронных писем, обращения к гражданам (митинги), а также специальные инфор-

ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ: ФОРМЫ, ПРИНЦИПЫ И УСЛОВИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ

мационные пункты, где люди могут получить необходимую информацию. Последний инструмент информирования граждан особенно актуален в рамках реализации программ по коллективному выбору приоритетов в развитии территории, региона, а также программ по коллективной разработке конкретного плана развития территории.

Второй тип инструментов, используемых властями для вовлечения граждан в процесс принятия решений, позволяет направлять информационный поток в обратном направлении: собирать информацию о мнениях, предложениях, пожеланиях граждан, касающихся развития территории, региона, страны или решения конкретных проблем.

Инструменты сбора информации являются классическими механизмами работы представителей власти с гражданами в рамках налаживания обратной связи. Среди них наиболее распространенными являются опросы общественного мнения, фокус-группы и экспертные интервью. Эффективность сбора данных, при этом, во многом определяется предварительным проведением работы по информированию граждан. Они должны иметь четкие представления о реализуемых программах, об их целях, механизмах и периоде реализации. Сбор информации о мнениях, предложениях, пожеланиях граждан является важнейшей основой для подготовки общих предложений по развитию территории, региона (страны) или для решения конкретных проблем осуществлением которых обычно занимаются эксперты (иногда при участии волонтеров). Такие материалы, подготовленные экспертами на основе обработки информации полученной от граждан, являются в дальнейшем отправной точкой в работе по коллективной выработке позиции по рассматриваемым вопросам.

Как первый, так и второй тип инструментов вовлечения людей предполагают одностороннюю коммуникацию между гражданами и представителями власти и отсутствие интерактивного взаимодействия между ними [2].

Третий тип включает в себя инструменты коллективной выработки позиции по тому или иному вопросу в рамках его совместного обсуждения, и предполагают двустороннюю коммуникацию и интерактивное взаимодействие.

Наиболее распространенные инструменты из этой категории являются:

- **публичные слушания** (*public hearings*) – определяемые как подготовленные открытые собрания заинтересованных граждан, чиновников, представителей СМИ и других структур, проводимые с целью обсуждения социально значимых вопросов [9, с. 61].

Преимущество публичных слушаний заключается в их способности задействовать значительное количество людей, недостаток – обусловленная массовостью мероприятия поверхностность обсуждения вопроса, предложенного властями на рассмотрение.

Успешность публичных слушаний как согласо-

вательного механизма зависит: во-первых, от подготовки мероприятия через предварительное ознакомление граждан с рассматриваемым вопросом с помощью выше обозначенных инструментов информирования; во-вторых, – эффективное управление обсуждением в рамках проведения мероприятия, важным условием обеспечения которого является умение ведущего направлять собравшихся в русло конструктивной дискуссии; в-третьих, готовность представителей власти действительно учитывать озвученные позиции граждан и приводить в соответствие с ними проводимую в рассматриваемой сфере политику.

Эти три фактора: подготовка мероприятия через информирование граждан, эффективная организация коммуникации в рамках проведения мероприятия и, наконец, использование представителями власти результатов обсуждения для выработки политики в соответствующей сфере – определяют, впрочем, также успешность и других согласовательных механизмов, направленных на коллективную выработку решений [2].

- **«мастерские»** (*workshops*), представляющие собой конференции-семинары, открытые к участию всех заинтересованных граждан, также как и публичные слушания. Задача **«мастерских»** собрать вместе представителей различных групп общества так, чтобы они могли совместно обсудить проблему. Это не является обычным политическим собранием или митингом [4]. В отличие от публичных слушаний, основная работа по обсуждению рассматриваемых вопросов и согласованию позиций в них организована в рамках ряда небольших групп, что обеспечивает более глубокую проработку вопросов и качество обсуждения.

- **гражданские экспертные группы** (*citizen's jury*), которые в отличие от представленных выше инструментов согласования, подразумевают ограниченное число участников (обычно от 12 до 20 человек) отобранных с учетом представительства различных социальных слоев и социальных групп населения, зачастую с помощью жребия.

Гражданская экспертная группа представляет собой совещательный орган и выработанные ей рекомендации не обязательны к исполнению. Они получают, однако, публичную огласку и оказывают значительное влияние на процесс принятия решений представителями власти по вопросу, предложенному гражданской экспертной группе на рассмотрение. Работа группы может длиться от нескольких до десятка дней, при этом, достаточно плотным является общение группы с экспертами и представителями власти, в задачу которых входит предоставление членам группы всей необходимой информации для вынесения суждения по рассматриваемому вопросу.

- **гражданский совещательный комитет** (*Citizen advisory committee*), который отличается от экспертной группы тем, что создается не для единичного формулирования рекомендаций по конкретному вопросу, а существует на постоянной основе. При этом он также состоит из небольшого числа участников, отобранных

Тудор ПЫНЗАРУ

по принципу представительства различных социальных группы и интересов.

Следует отметить, что такой комитет или совет может быть сформирован как на местном уровне, так и на национальном. Например – *Национальный совет по участию*, который был создан по инициативе Правительства Республики Молдова в качестве консультативного органа и осуществляет свою деятельность на основании *Постановления Правительства №11 от 19 января 2010 года* [8]. Миссия совета – способствовать участию гражданского общества в процессе утверждения публичных политик и мониторинга прозрачности процесса принятия решений (мандат совета – 2 года).

Целью Совета является развитие и продвижение стратегического партнерства между органами публичной власти, гражданским обществом и частным сектором в целях укрепления партиципативной демократии в Республике Молдова путем содействия коммуникации при идентификации и реализации стратегических приоритетов развития страны, развития институционального потенциала для обеспечения полного вовлечения заинтересованных сторон в процесс принятия решений.

Следует отметить, что в законодательстве Республики Молдова предусмотрены конкретные инструменты реализации гражданского участия. Например, согласно *Концепции сотрудничества между Парламентом и гражданским обществом* [5], сотрудничество между Парламентом и гражданским обществом осуществляется в следующих формах:

а) *Экспертные советы*. Постоянные комиссии Парламента создают при себе постоянно действующие экспертные советы из представителей организаций гражданского общества по основным направлениям своей деятельности.

б) *Постоянное консультирование*. Парламент предоставляет в распоряжение гражданского общества проекты законодательных актов. С этой целью проекты размещаются на официальном web-сайте Парламента. Заинтересованные организации гражданского общества имеют свободный доступ к информации и могут представлять экспертные заключения, анализы последствий, комментарии, мнения, оценки, предложения и другие материалы с соблюдением при этом минимальных стандартов сотрудничества.

в) *Специально созываемые собрания*. По инициативе Председателя Парламента, Постоянного бюро, постоянных комиссий Парламента, парламентских фракций или организаций гражданского общества могут созываться специальные собрания для консультирования по конкретным вопросам, включенным в повестку дня Парламента, или по другим вопросам национального значения.

д) *Публичные слушания*. Публичные слушания проводятся не реже одного раза в год каждой постоянной комиссией Парламента для консультирования с организациями гражданского общества по вопросам,

включенным в повестку дня Парламента, или по другим вопросам национального значения.

е) *Годовая конференция*. В целях оценки степени сотрудничества и для принятия решений в отношении новых направлений сотрудничества между Парламентом и организациями гражданского общества Председатель Парламента созывает годовую конференцию, в работе которой принимают участие представители организаций гражданского общества, а также представители Парламента.

В тоже время, формы гражданского участия предусмотрены и в *Постановлении Правительства о действиях по внедрению Закона о прозрачности процесса принятия решений* [7]. Согласно этому нормативному акту для проведения процесса *публичного консультирования* могут применяться несколько способов:

1) *Запрашивание мнений граждан* – проводится путем общего информирования неопределенной широкой общественности об инициировании консультаций и о вынесении проекта решения на консультирование.

2) *Запрашивание мнений экспертов* – проводится путем направленного информирования заинтересованных сторон (выявленных релевантных экспертов) в области деятельности органов публичной власти, с просьбой высказаться по данному проекту решения.

3) *Постоянные рабочие группы* с участием представителей заинтересованных сторон создаются по инициативе органа публичной власти, ответственного за разработку проектов решений, или другого органа публичной власти, в соответствии с его компетенцией, в целях инициирования и поддержания постоянного диалога на протяжении процесса принятия решений.

4) *Временные рабочие группы* с участием представителей заинтересованных сторон создаются по инициативе органа публичной власти – автора проекта решения или другого органа публичной власти, в соответствии с его компетенцией, в целях обсуждения проекта решения, вынесенного на консультирование, достижения консенсуса по противоречивым вопросам.

5) *Публичные обсуждения* являются способом публичного консультирования, предусматривающим встречу представителей органа публичной власти и заинтересованных сторон для высказывания в организованном порядке своих взглядов по разработанному проекту решений.

6) *Публичные слушания* являются хорошо систематизированным способом встречи органа публичной власти – автора проекта решения и заинтересованных сторон. Публичные слушания предполагают организованное проведение дискуссий по разработанному проекту решения путем предварительной записи выступающих и, в случае необходимости, краткого представления в письменном виде рекомендаций, в которых орган публичной власти, иницирующий публичные слушания, представляет тему дискуссии, задает, в случае необходимости, вопросы и принимает

ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ: ФОРМЫ, ПРИНЦИПЫ И УСЛОВИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ

к сведению рекомендации и мнения участников слушаний, не выражая свое отношение к изложенным рекомендациям и мнениям.

7) *Опрос мнений* является социологической процедурой изучения мнений граждан, предназначенной для выявления их отношения к намерениям или запланированным действиям органов публичной власти, установленных разработанными проектами решений.

8) *Референдум* является инструментом проведения опроса мнения граждан по наиболее важным проблемам государства и общества и проводится согласно установленным действующим законодательством процедурам.

Несмотря на то, что на законодательном уровне предусмотрены конкретные формы гражданского участия в процессе принятия решений, следует осознать необходимость их осуществления на основе соответствующих принципов как важные условия их практической эффективности.

Согласно *Кодексу рекомендуемой практики гражданского участия в процессе принятия решений* [1], принятому на международном уровне, гражданское участие (в частности неправительственных организаций - НПО) основывается на четыре принципа:

- **Участие.** НПО сводят воедино и ориентируют взгляды своих членов, групп пользователей и заинтересованных граждан. Этот вклад имеет огромную ценность для процесса принятия политических решений, повышая качество, понимание и долгосрочный характер осуществления политической инициативы. Предварительным условием для соблюдения такого принципа является то, чтобы сам процесс участия был открытым и доступным, основанным на согласованных параметрах участия.

- **Доверие.** Открытое и демократическое общество основано на честном взаимодействии между участниками и различными секторами общества. И хотя НПО и органы государственного управления призваны играть разную роль, тем не менее, общая цель – улучшение жизни людей – может быть удовлетворительным образом достигнута только тогда, если это основывается на доверии, подразумевающим прозрачность, уважение и взаимную надежность.

- **Подотчетность и транспарентность.** Действия в общественных интересах требуют открытости, ответственности, ясности и подотчетности, как со стороны НПО, так и органов государственного управления, при транспарентности на всех этапах.

- **Независимость.** НПО должны быть признаны как свободные и независимые органы в отношении своих целей, решений и деятельности. Они имеют право действовать независимо и выступать за позиции, отличающиеся от позиций властей, с которыми они могут, тем не менее, сотрудничать.

На национальном уровне, сотрудничество и взаимоотношения между публичным управлением и гражданским обществом основываются на аналогичных принципах. Согласно *Стратегии развития*

гражданского общества на 2009–2011 годы [6] представители организаций гражданского общества (далее ОГО) и публичной власти исходят в своем сотрудничестве из следующих ценностей и принципов:

Гражданская активность. Гражданская активность, понимаемая как инициативное и добровольное участие граждан в общественной жизни и в решении проблем местного сообщества, является важной составной частью демократического устройства общества. Публичная власть поддерживает гражданскую активность созданием благоприятной правовой среды, информированием общественности о своей деятельности, вовлечением ОГО в планирование и выполнение решений.

Участие. ОГО выражают различные ценности и интересы, разделяемые членами общества. Через эти организации граждане получают информацию и могут выразить свое мнение по поводу предлагаемых решений. Посредством ведения диалога с общественностью и рассмотрения внесенных в процессе публичного обсуждения предложений публичная власть содействует повышению степени взаимопонимания и гражданской активности, укреплению легитимности государства.

Взаимное уважение. ОГО и публичная власть играют при формировании и реализации политик разные, взаимодополняющие роли. Публичная власть уважает право ОГО самим ставить перед собой цели и осуществлять свою деятельность в соответствии с Конституцией страны.

Партнерство. Партнерство ОГО и публичной власти позволяет им эффективно сотрудничать и делиться обязанностями таким образом, чтобы проблемы общества решались наиболее эффективно. Сознвая важность участия ОГО в решении проблем местных сообществ, публичная власть содействует развитию существующих механизмов сотрудничества.

Ответственность и отчетность. Деятельность в общественных интересах требует как от ОГО, так и от публичной власти открытости, ответственности и отчетности о своей деятельности и об использовании расходовемых при этом средств.

Политическая независимость гражданских инициатив. ОГО свободны и независимы в установленных законодательством пределах при определении своих целей, в принятии решений и осуществлении своей деятельности.

Долговременное и устойчивое развитие. В своей деятельности и взаимном сотрудничестве ОГО и публичная власть исходят из принципа долговременного и устойчивого развития.

Равенство возможностей. ОГО и публичная власть уважают принцип равного доступа всех граждан и их объединений к возможностям участия в общественной жизни.

Региональное и местное развитие. ОГО и публичная власть признают важность участия и партнерства в региональном и местном развитии.

Тудор ПЫНЗАРУ

Как уже было сказано, соблюдение данных принципов является важной предпосылкой для эффективного гражданского участия.

В докладе Комитета экспертов по государственному управлению Экономического и Социального Совета ООН [3] отмечается, что участие считается «эффективным», когда оно повышает влияние рядовых граждан, особенно малоимущих и социально изолированных слоев населения. Объектом такого влияния могут быть государственные деятели, политики и работники бюрократических органов, а также судьба самих этих людей. Участие будет «эффективным» лишь в случае, когда оно позволяет не только выявить предпочтения рядовых граждан, но и повлиять – с учетом этих предпочтений – на конечные результаты. Нужны процессы и форумы, формальные или неформальные, в рамках которых эти люди могли бы информировать о своих проблемах и влиять на соответствующие решения.

Рядовые граждане должны быть достаточно уверены в своих силах и иметь возможность обращаться к государственным служащим, выборным представителям и другим общественным деятелям и получать от них ответы на свои запросы. Они должны иметь возможность влиять на принимаемые решения путем лоббирования или проведения коллективных демонстраций. При наличии таких условий «эффективное» участие и основанное на широком и действенном участии управление становятся реальностью.

К предпосылкам эффективного участия, позволяющего рядовым гражданам влиять на результаты процессов принятия решений, относятся такие механизмы и системы, расширяющие права и возможности граждан и гарантирующие им реализацию основных прав человека, что позволяет этим гражданам противостоять имеющему власть меньшинству. Необходимым условием укрепления уверенности в надлежащем учете предпочтений участников и обеспечения подотчетности сотрудников директивных органов является транспарентность [3].

Согласно *Кодексу рекомендуемой практики гражданского участия в процессе принятия решений* [1], принятому на международном уровне, для обеспечения гражданского участия, требуется создание благоприятной среды. Условия такой благоприятной среды включают верховенство права, соблюдение основных принципов демократии, политическую волю,

благоприятное законодательство, ясные и точные процедуры, долгосрочную поддержку и ресурсы для устойчивого гражданского общества и общего пространства для диалога и сотрудничества. Эти условия обеспечивают конструктивные взаимоотношения между НПО и органами государственного управления, строящиеся на взаимном доверии и взаимном понимании в поддержку *демократии через участие*.

Важное условие эффективности участия состоит в том, чтобы граждане и организации гражданского общества привлекались к работе посредством консультаций и механизмов активного участия на всех этапах процесса принятия решений. Несмотря на то, что, в конечном счете, решения по вопросам политики принимают лица, наделенные соответствующими полномочиями благодаря мандату с помощью демократического процесса, или лица, назначенные на должность чиновников уполномоченной исполнительной власти, вовлечение граждан и гражданского общества обеспечивает подотчетность, прозрачность и эффективное управление [10].

Следовательно, необходимо обеспечить четкое понимание функций и обязанностей правительства и граждан в процессах участия. Правительство должно обеспечивать наличие структуры процессов для своевременного и адекватного участия. Это может предполагать готовность сотрудников государственных органов привлекать граждан, беспристрастность в вопросах обмена информацией и равенство всех участников. Важно координировать процессы на основе широкого участия, с тем чтобы сделать их более последовательными и эффективными. Следует выделять достаточные ресурсы и обеспечивать периодическую оценку различных стратегий.

В завершении, подчеркнем, что для эффективного участия необходимо наличие следующих условий: *нормативных* (т.е. наличие закона, разрешающего участие на устойчивой основе), *регламентационных* (наличие правил и положений, регулирующих участие) и *созидательных* (в виде развития потенциала как государственных организаций, так и организаций гражданского общества).

В практическом смысле участие граждан в процессе принятия решения «эффективно» лишь в случае, когда оно позволяет не только выявить предпочтения рядовых граждан, но и повлиять – с учетом этих предпочтений – на конечные результаты проводимой политики.

Литература:

1. Кодекс рекомендуемой практики гражданского участия в процессе принятия решений, Принят Конференцией МНПО на заседании 1 октября 2009 года. - https://www.coe.int/t/ngo/Source/Code_Russian_final.pdf.
2. Кроль М. Партиципативная демократия и инструменты вовлечения граждан в процесс принятия решений в рамках местного самоуправления. - <http://www.cloudwatcher.ru/what-we-think/14/>.
3. Основанное на широком участии управление и

вовлечение граждан в разработку политики, оказание услуг и составление бюджетов, Доклад Комитета экспертов по государственному управлению Экономического и Социального Совета ООН, E/C.16/2007/2. - Нью-Йорк, 10–13 апреля 2007 года. - <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/un/unpan025378.pdf>.

4. Пейдж Б. Лекция «Методы публичных консультаций» (прочитана 29 января 2005 в Лондоне во время стадии тура в Великобританию мэров российских городов). - <http://nscs.ru/MSUNew2>.

ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ: ФОРМЫ, ПРИНЦИПЫ И УСЛОВИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ

5. Постановление Парламента об утверждении Концепции сотрудничества между Парламентом и гражданским обществом, №373 от 29.12.2005 г. – Monitorul Oficial al Republicii Moldova, № 005.

6. Постановление Парламента об утверждении Стратегии развития гражданского общества на 2009 – 2011 годы №267 от 11.12.2008. - Monitorul Oficial al Republicii Moldova №1-2.

7. Постановление Правительства о действиях по внедрению Закона № 239-XVI от 13 ноября 2008 года о прозрачности процесса принятия решений №96 от 16.02.2010. - Monitorul Oficial al Republicii Moldova, №30-31.

8. Постановление Правительства Республики Молдова от 19 января 2010 года №11 «О создании Национального совета по участию». - Monitorul Oficial al Republicii Moldova, №8-10.

9. Стародубова А. А. Проблемы изучения общественных слушаний в контексте развития гражданского общества в современной России. - Известия Саратовского университета, 2007, Т. 7, Серия Социология. Политология, Вып. 2.

10. Форрестер К. О системе и процессе принятия решений и вовлечении общественности В: Методы участия граждан в МСУ. - <http://nscs.ru/MSUNew2>.

Summary

One way of saving and consolidating democracy is to involve citizens in political decision making. Citizens can be involved in public decision-making in numerous ways. They can submit initiatives, participate in hearings, act in elective offices, belong to the trade union movement or be in touch with decision-makers and public servants in a variety of ways. In this article we propose to study the ways of involvement of citizens in political decision making, principles and conditions of efficiency civic participation.

Keywords: Democracy, political decision, elective offices, involvement of citizens, civic participation.

Гурам МАРХУЛИЯ,

доктор истории, ассоциированный профессор
Сухумского (в изгнании) Государственного университета
(Грузия)

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ И ПОСЕЛЕНИЯ АРМЯН В ГРУЗИИ

На различных этапах исторического развития тех или иных народов можно проследить конвергентные процессы, в результате которых огромные людские массивы устремлялись, в силу различных причин, осваивать новые территории. Однако переселение-поселение армян в исторические территории Грузии и Азербайджана носило целенаправленное политическое значение.

Первые упоминания об армянах встречаются [1] у Геродота (V в до н. э.) и у Ксенофонта (V в. до н. э.), однако пришельцам к этому времени еще не удалось создать государственное образование. Исходя из такого исторического положения, армянским историкам особо пришлось позаботиться об «удревнении» своей истории для утверждения их автохтонности в этом крае. Особенно плодотворным для этого оказался советский период их развития [2].

В действительности же армяне, поселившиеся в Малой Азии, на части исторической территории грузинского народа [3], сумели создать свое государственное образование только в 190 г. до н.э., и оно было связано с геополитическими изменениями того периода [4]. Именно с этого времени и начинается армянская государственная и этническая экспансия против соседних государств и народов [5].

Армянская экспансия против Грузии приобрела целенаправленный и интенсивный характер. Еще в 189 г. до н.э. Армения отрезала от Иберии Хордзону, Гогарену и Периандр [6]. Эти южно-грузинские области попали под зависимость Армении, именно к этому времени начинается новая волна армянской экспансии в пределы Грузии. Когда и как произошла арменизация края, в точности неизвестно. Однако уже Страбон утверждает, что все области Армении «говорят на одном языке», но это не обязательно означает, что армянский язык был домашним языком для всего населения царства, а только то, что он был общим государственным языком.

Начиная с IV века, то есть после утраты собственной государственности, армяне оказались рассеянными по белу свету, ибо «Специфические условия, складывавшиеся в Армении при иноземном владычестве, заставляли армян покидать родину, искать пристанища на чужбине» [7]. Грузия же

оказалось плодотворной страной для их развития, новое армянское компактное население появляется в пределах грузинского государства [8], армянское население нашло свое убежище в соседней стране и спасалось от физического уничтожения.

Миграционный процесс армян, начавшийся после т.н. раздела Армении в 387 году между Византийской и Сасанидской империями, усилился при арабском владычестве в VII-IX веках [9]. В итоге, часть армян перебралась на Кавказ, главным образом, на южные территории Грузии. Так, поэтапно, предки армян обрели родину в Грузии, где заняли исконные земли грузин. Однако переселение и поселение армян в Грузии в это время не носило политического характера, просто беженцы искали убежище и нашли его в Грузии.

Первоисточники объясняют начальный этап переселения армян доброжелательным отношением к ним Арабского халифата. Так, будто по просьбе Ована III Одэнеци, в 715 году халиф пожаловал податные привилегии армянской церкви, а также освободил «армян от коварного и вероломного племени греков, выселив их на Черное море и во все прибрежные места». Ненависть же армян к грекам объясняется тем, что «греки очень злы и неправедны и злейшие враги армян. При виде нас, - пишет Симеон Лехаци, - они плевались и кричали: «шикли», что значит «собака», «еретик», ... греки – исконные враги армян» [10].

Следует отметить, что арабские завоевания в Передней Азии принесли армянам определенные позитивные перспективы. В свою очередь, Арабский халифат также искал социальную опору на завоеванных территориях, поэтому относился к армянам благожелательно. Потерявшие собственную государственность, армяне стремились воспользоваться сложившейся в VII-VIII веках ситуацией и упрочить свои позиции на Южном Кавказе. С помощью Арабского халифата в 704 году армяно-григорианская церковь подчинила себе Албанскую церковь [11]. В последующем в период распада Халифата, армянские мелики предложили Халифу свои услуги в деле взимания налогов, в результате спарпет Ашот Багратуни в 859 г. был признан халифом «ишханом

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ И ПОСЕЛЕНИЯ АРМЯН В ГРУЗИИ

ишханац»-ом Армении [12]. Ашот под эгидой халифа приступил к осуществлению национальной армянской цели. Во второй половине X века южно-грузинские земли были уже захвачены армянским этническим миром и здесь были образованы два армянских государства. В 963 г. было создано Ванандское (Карское) царство, а в 972 г., Ташир-Дзорагетское (Лорийское) царство. В Грузии, таким образом, «Великой арабщине» добавилась «Великая армянщина» [13]. Армянские беженцы, получившие приют в Грузии, с течением времени забыли о своем появлении на территории Грузии и создали на грузинской земле свое собственное государство. Армянское население сразу же приступило к уничтожению грузинского культурного наследия в регионе, так что ни следа не осталось от прошлого грузинского государства.

В 1045 г. [14], Византийская империя упразднила Анийское царство, в результате которого новая волна армян захлестнула Грузию, почти во всей Восточной Грузии появились армяне-беженцы. Эти новоселы с течением времени также приступили к арменизации грузинских культурных памятников, в Кахетии, в Картли, в Самце-Джавахети грузинские церкви превращались в армянские.

Грузинское население в значительных селах царства, вследствие кровопролитных войн, было полностью уничтожено, или жило в небольшом количестве в этих краях, пользуясь отсутствием грузин, армяне начинали восстановление грузинских православных церквей, однако вместо грузинских надписей там появлялись армянские надписи [15], таким образом, в Грузии начали появляться «армянские» церкви. Как видно из документов, армяне привлекали грузинские монастыри и церкви [16], так как это было удобно для быстрого превращения армян в коренного жителя Грузии со своими религиозными памятниками, для утверждения того, что это территория древнеармянская.

В период Сельджукского и монгольского владычества вся территория «Армении» [17] входила в пределы Грузинского государства, поэтому армяне чувствовали себя вольно [18], считая, что живут в своей стране. Монгольское нашествие также широко открыло армянам дорогу по Грузии, армянские беженцы получили приют [19], в разных уже центральных областях страны.

Монголо-татар сменил Темур-ленг, грузинский народ продолжал войну за свое освобождение, однако силы оказывались неравными, следствием было то, что уменьшалась не только грузинская государственная, но и этническая граница, в это трудное для грузинского народа время армянские торговцы со своими семьями заполняли те земли [20], те дома грузин, за которые по воле судьбы сложили свои головы в борьбе с врагами, защищая родину. Так «братья» армяне переселяясь в Грузию, расширяли свое этническое пространство.

Так, армянский писец пишет: «Взяв всех жителей Сюникского края и сопредельных Сюнику областей,

более чем 6000 христианских семей, доставил их в Грузию. А царь (Александр I Великий – 1413-1442 – Г.М.) ... удостоив его почестей, отдал ему замок Лори».[21]. Однако царь Грузии, видимо заметив «армянский маневр» в области «прихватизации», решает убить армянского мелика Бешкена. Так, тот же писец в другом месте своего труда продолжает: «А безжалостный (царь), – боясь его «напрасным подозрением, что армяне соберутся у него и будет разрушение грузинскому краю, решил отравить Бешкена...»[22]. Лорийская область, Гюмри, Ванадзор, Стеванован и др. – эти древнейшие грузинские области сегодня в пределах Армении и считаются армянами «исконно армянской территорией». Именно в результате такого рода «творчества» армян были присвоены не только памятники культуры, но и целые области, где и следа не осталось о прошлом грузинского царства.

В XVI-XVIII вв. исторические документы указывают на увеличение армянского населения в Грузии, в Квемо Картли в результате армянской этнической экспансии увеличивается арменизация топонимов. Появляются такие непонятные для грузинского общества понятия, как: «Село Киракоза, село Васака, село Акопа, село Манвела, [23] и так далее.

Во второй половине XVIII в. из далекой Индии грузинскому царю Ираклию II поступило предложение армянского мецената, в котором новый идеолог армянского национализма просил создать какую-нибудь армянскую республику или грузино-армянское федеративное государство, финансовая помощь гарантировалось, более того, Ираклию II -му была предложена корона будущего объединенного грузино-армянского государства. Царь Картли - Кахети обещал помощь в этом деле, однако патриарх Хаев мира, узнав о намерении грузинского царя, сразу же сообщил об этом Персидскому шаху [24]. Армянский каталикос, опасаясь потери своих скудных владений, предал свой народ, так идея о создании грузино-армянского государства провалилась.[25]

Новые надежды у армян появились с появлением России на Кавказе. Образно говоря, Грузия в конце XVIII века напоминала бодрого старика, который вследствие постоянных физических упражнений сохраняет молодую силу и энергию, но годы все же так или иначе дают о себе знать. Однако резкое прекращение физических нагрузок, как известно, пагубно влияет на привычный к ним организм. Весь XIX век грузины благополучно растрчивали свой пассионарный запас на русской службе, почти не имея национальных целей. Новая история армянского народа дает нам в этом плане другую картину. Если грузинская пассионарность на протяжении всего XIX века шла по нисходящей линии, то армянская – напротив, по восходящей. Если для грузин присоединение к России было связано с крушением государственности и морально-идеологической трагедией, то для армян это действительно был шаг вперед, открывающий

Гурам МАРХУЛИЯ

множество перспектив и надежд, им обещали создание армянского государства, а где, на чьих землях для них не имело значение.

В связи успешным окончанием русско-иранской и русско-османской войн в 20-х годах XIX века открылись широкие возможности для нового переселения армян на Южный Кавказ [26]. Статьей XV Туркманчайского договора [27] обеспечивалось право беспрепятственного перехода «из Персидских областей в Российские», для всех подданных Персии, желающих покинуть ее пределы. Переселяя армян на завоеванные земли, Россия не столько ограждала их от ассимиляции в Иранском и Османском государствах, сколько преследовала собственные политические, военные, экономические и, в целом, колониальные цели. Русские чиновники, создавшие армянскую провинцию на территории Азербайджана, руководствовались указом Сената Царской России от 21 марта 1828 года. В нем говорится: «Силою трактата с Персией, заключенного 10 февраля 1828г., присоединенное к России Ханство Нахичеванское повелеваем во всех делах именовать отныне областью «Армянской». Было переселено Паскевичем 40 000 армян и в большинстве в своем они были поселены в южных областях Грузии и в Азербайджане. Образовав на Южном Кавказе т.н. «Армянскую область», Россия была уверена, что армяне станут ее верной опорой [28]. Первая партия мигрантов из Персии, так и вторая из Турции была поселена в Южных областях Грузии и в Северном Азербайджане [29]. Это было началом планомерного, массового и целенаправленного переселения армян на Южный Кавказ [30].

Именно с этого времени начинается преобладание армянского населения над грузинским в Южных областях Грузии. «Образовалось сплошное армянское население в Южной части Тифлисской губернии» [31], – не без радости писал один из лидеров армянского националистического движения А. Шахатунян. Этим «сплошным армянским населением» придавало с какое-то подобие законности претензиям на чужие земли [32].

Относительно создавшейся ситуации Вермишев писал: «Из Турецкой стороны переселились армяне и покрыли густыми поселениями почти весь Ахалкалакский уезд, и лишь кое-где между ними маленькими оазисами остались грузинские деревни» [33]. «Страна приобретает такой вид, – писал Загурский, – будто она изначально была заселена армянами» [34].

Новоселы были вольны в своих поступках. «Разрушались и уничтожались церкви, башни, крепости, изымались монастыри, грабились святые образы, нарушался покой дорогих останков...» [35]. Они настолько разошлись, что намеревались переименовать Ахалцихе в Нор-Эрзерум, а Баку – в Бакуракерт, однако тогдашней власти, – по словам Загурского, – на этот раз хватило здравого ума не поддаться их желанию [36].

Таким образом, Россия, поселив армян в Джавахети, заметно уменьшила здесь численность

коренного населения, в дальнейшем демографический натиск все более усилился. Этническое расширение «Армянской области» и перспектива политического объединения земель, населенных армянами, вскружила головы армянских лидеров. Они начали подумывать о воссоздании якобы некогда существовавшей «Великой Армении».

В 1838 г. был образован Совет главного управления Закавказским краем, и 16 декабря 1839 г. Комитет об устройстве Закавказского края определяет свое отношение к региону как части России [37]. Таким образом, после долгой и кропотливой работы 10 апреля 1840 г. был утвержден проект, согласно которому Закавказье разделялось на Грузино-Имеретинскую губернию и на Каспийскую область [38].

Лидеры зарождавшегося армянского националистического движения, думавшие о создании «Великой Армении», были возмущены тем, что «территория некогда их знаменитого царства» была обращена в простой уезд Грузино-Имеретинской губернии. Однако бунтовать из-за этого пока было неудобно – они богатели и незаметно подготавливали сперва экономическую почву для будущих «маневров».

Назначенный в конце 1844 г. наместником Кавказа Михаил Воронцов провел ряд реформ, в том числе и в области административного деления края. Это новое деление края было вызвано стремлением создать как можно больше культурных центров. Так, вместо Грузино-Имеретинской губернии и Каспийской области в 1846 г. были учреждены четыре губернии – Тифлисская, Кутаисская, Шемахинская и Дербентская [39]. В 1849 г. настойчивыми сетованиями армян к ним добавилась еще одна – Ереванская [40]. Это было первой, незначительной победой армянского национализма на пути к «великой» цели. Ядро будущего государства было создано. Теперь можно было приступить к расширению пределов этого образования. С новой силой началось приармянывание топонимов Грузии, присвоение церквей и монастырей, городов и деревень, памятников культуры, чтобы заявить впоследствии претензии на сопредельные регионы. Грузинская общественность была возмущена подобными действиями армян. «...Армяне, – писал Илья Чавчавадзе, – пытаются обрести жилище свое там, где его никогда не имели, ... желая уверить всех в том, будто располагают историческим правом обосноваться в этих местах» [41].

Неблагодарностью армян был возмущен и Акакий Церетели, по его словам: «Грузинские цари из жалости селили армян в разных уголках Грузии, как торговцев, им также предоставляли города. Грузины же, вели борьбу против многочисленных завоевателей и когда уставшие, изнуренные, раненые возвращались домой, то с удивлением находили, что их дома были заняты братьями-армянами. И вместо того, чтобы извиниться, они громко кричали: «Кто вы такие, откуда пришли? Когда вы жили здесь? Эта земля всегда была наша!» Для доказательства указы-

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ И ПОСЕЛЕНИЯ АРМЯН В ГРУЗИИ

вали на грузинские же церкви и монастыри, где грузинские надписи были стерты и вместо них были вставлены армянские» [42].

Во второй половине XIX века Россия планировала дальнейшее расширение и развитие своей завоевательно-наступательной политики на южном направлении. В своей политике Россия вновь стремилась использовать армян и обещала им создание на новой территории армянской государственности [43]. Началась борьба армян в Турции за свою «национальную независимость», в отдельные периоды эта борьба перерастала в настоящие народные войны. Это – армянское движение впоследствии получило название – «Армянского вопроса».

Армянские историки и их наемные разбойники пера расширили границы Армении до фантастических размеров, претендовали на чужие земли, утверждая, что некогда обладали территориями далеко за пределами своего современного расселения и выпускали сумасбродные карты «Великой Армении». Такое направление деятельности армянских националистических движений объясняется тем, что Армения на протяжении многих столетий была лишена государственности и была понятием, лишенным конкретного содержания и определенных границ. К тому же рекламированием своего величия в прошлом они хотели привлечь внимание мирового сообщества к т.н. «Армянскому вопросу» и в то же время избавиться от существующей нелестной репутации.

Дабы убедить мир в том, что претендуемые ими территории явно армянские, в историческую литературу были введены и в разных вариациях муссировались такие понятия как «Великая Армения», «Западная Армения», «Турецкая Армения», «Армянское нагорье», «Армянское плоскогорье», многообещающий «Армянский вопрос» и др. Этими то ли политическими, то ли географическими терминами мировое сообщество было введено в неслыханное заблуждение.

На вооружение партии Арменакан, Гнчак и Дашнакцутюн была принята идея о создании «Великой Армении от моря до моря». Начались волнения в Сасуне и Ване, результаты которых были печальны для армян.

Продолжением этой политики на территории Российской империи было возникновение армяно-азербайджанского и армяно-грузинского конфликта в 1905 году. Армянские националисты в окрестностях Тбилиси уничтожали грузинское и азербайджанское население. В межнациональных столкновениях армянская сторона преследовала цель – очистить смешанную населенную территорию от грузин и азербайджанцев, и тем самым подготовить этническую базу для независимого Великого армянского государства.

В соответствии с такой установкой дашнаки решили отделить от Тифлисской губернии Борчалинский, и Ахалкалакский уезды и из этих территорий образовать новую – Александропольскую [44] губернию.

Царизм, безусловно, мог бесцеремонно провести

административно-территориальные преобразования и передать определенную часть территории Грузии армянам, однако создавать взрывоопасную обстановку перед мировой войной правительство посчитало нецелесообразным. Поэтому поле деятельности армянских националистов царизмом было направлено на восточные вилайеты Османской империи, ловко внушая армянам мысль о тяжести их положения в Турции.

Настраивать турецких армян было нетрудно. Бывало, на собрании кто-нибудь из дашнаков возражал против поднятия восстания в Турции, заметив, что всех армян там вырежут – то другие им отвечали – нужно пролить кровь и тем самым обратить на себя внимание цивилизованного мира [45]. Так размышляли лидеры Дашнакцутюна о своих планах.

Известно, что каменные снежные завалы на Кавказе часто происходят от камушка, покотившегося из-под вспорхнувшего на вершине горы ворона. Гибельные движения, смуты и резня в жизни народов имеют своими виновниками также ничтожных воронов в образе какого-нибудь фанатичного зачинщика или своекорыстного агитатора.

Турецкие армяне, смотревшие на Россию как на исконного врага Турции и единственную защитницу христиан на Востоке, охотно поверили словам злых гениев своего народа, будто русское правительство при первой пролитой ими крови предпримет решительные меры для защиты армян.

Все камни для разрушительного завала перед первой мировой войной были уже в полувисячем положении на пространстве огромного скага.

В 1914 году, когда началась война, армяне приступили к очищению территории от этнических турок.

26 февраля 1914г. в Карсе и Ардагане армянскими бандформированиями было убито 30 000 этнических турок и особенно весной 1915 года армяне, решив, что наступило их время, в нескольких вилайетах учинили беспощадную резню мирного турецкого населения. Занятые дашнакскими отрядами, турецкие деревни уничтожались – было убито более 90 000 этнических турок [46].

Турецкое правительство, видя подобные действия дашнакских «героев» и зная царский план «решения» т.н. армянского вопроса, 24 апреля 1915 года принимает решение о всеобщей депортации армян, проживающих в Турции. Около 300 000 армян вновь хлынула в Грузию, они поселились в разных уголках Грузии, но основная масса осела в Самцхе-Джавახети.

Коварная политика России и европейских держав в «армянском вопросе» обернулась трагедией армянского народа, турки в отличие от грузин отплатили армянам той же монетой.

По иронии судьбы, Россия после революционного взрыва 1917 года, вышла из войны, русская армия оставила передовые позиции, вместе с ними новые сотни тысяч армян перебрались в Закавказье, большая их часть вновь осела в южных областях Грузии [47].

Армения в 1918 году, восстановив свою госу-

Гурам МАРХУЛИЯ

дарственность, теперь уже в другой части исторической территории Грузии и Азербайджана, надеясь на поддержку держав, она предъявила территориальные претензии к Грузии и Азербайджану [48]. Правительство О. Качазнуни намеревалось присоединить к Армении почти всю Восточную Грузию, даже столицу Грузии – Тбилиси [49]. В соответствии с такой установкой 7 декабря 1918 года армянские войска неожиданно, без объявления войны, вторглись в пределы Грузии. Однако армянские войска за считанные дни были разгромлены, дорога на Ереван была открыта, но в это время на помощь армянам пришли представители Англии и Франции, по требованию которых продвижение грузинских войск было приостановлено. Именно с их помощью в начале 1919 года была образована Лорийская нейтральная зона [50].

После установления Советской власти на Южном Кавказе большевики приступили к установлению «национального мира» в регионе. В результате этой политики Армения получила Лорийскую «нейтральную зону» – историческую территорию Грузии.

Те же армянские круги и в 1922 году представили новый проект, согласно которому большая часть Джавахети или же Ахалкалакского уезда должна была быть присоединена к Борчалинскому уезду с целью создания единой армянской административной единицы [51]. По словам И. Джавахишвили, «ясно, что и этот план являлся первой ступенью мастерски придуманного проекта отчленения этих двух уездов из состава Грузинской ССР и присоединения их к Армении, за которым обязательно последовала бы и вторая. И на этот раз, как видно, шла борьба за осуществление прежних целей, однако другими путями» [52]. И эта попытка в 1923 году закончилась неудачей.

В 1936 году армянские большевики попытались аналогично расширить пределы Советской Армении и в северном направлении. В соответствии с древнеармянской установкой первый секретарь ЦК КПА А. Ханджян обратился с просьбой к Л.П. Берия передать Ахалцихский и Ахалкалакский районы Армении. 9 июля 1936 года Л.П. Берия в своем же кабинете пристрелил первого секретаря Армении – просьба тем самым была отклонена.

Однако в последующие годы Советской власти армянское этническое пространство заметно расширилось, создавались новые основы для будущих притязаний.

Глобальные политические события конца XX века, связанные с распадом Советского Союза, не могли привести к ренессансу древнеармянской мечты. Окрыленные «успехами» в Азербайджанском направлении руководители Армении обратили свои взоры к южным районам Грузии. Вскоре влиятельная армянская националистическая партия Дашнакцутюн,

следуя заветной цели, организовала в Джавахети свои филиалы, которые получили названия Вирк и Джавахк. На территорию Грузии проникли бойцы из террористических организаций Крунк и ASALA, которые начали вести подготовку специализированных отрядов для будущей бури. Параллельно трудами сомнительной ценности снабжают армянское население Южной Грузии. В распространяемых работах идеологов «Великой Армении» «утверждается» право Армении на область Джавахети». Вскоре, Южную Грузию охватила волна митингов, где дети многострадального гайканского народа со слезами на глазах вспоминали коварных грузин, которые заставляли их забыть свой язык, свои ветхие корни, их вдруг осенило, что живут не в Грузии, а на «территории исторической Армении», и просили руководство Грузии предоставить им хотя бы автономию для защиты своих национальных интересов. Грузинская общественность недоумевает, а руководители страны стремятся не обострять отношения с солнечной республикой. Из исторического прошлого в Грузии хорошо известно, что если в стране что-нибудь плохо лежит, то обязательно становится армянским. Так, в столице Грузии ныне армянами оспариваются исторические грузинские церкви, и этот вопрос армянской стороной возведен на государственное уровень.

Известно, что многими историческими фактами подтверждается то, что когда на Грузию нападали враги, хлебосольные армяне сразу же становились на сторону врага, чтобы навредить тому народу, который приютил их. Такая национальная политика продолжается и поныне, так как предательство в армянах заложено в генах.

Неслыханные факты вандализма и мучения людей, совершенные батальоном им. Баграмяна, явились причиной гибели тысяч жителей Абхазии. Армянская диаспора в Грузии еще раз продемонстрировала свою антигрузинскую сущность.

Армянский народ всегда получал убежище в нашей стране, грузинские цари и грузинский народ с теплом принимали в наших краях беженцев армян, они всегда просили временного убежища и получали. Однако оправившись, они забывали, что пришли на нашу землю как беженцы, и они вдруг из-за пазухи вытаскивали «древние документы», которые «подтверждали», что приютившая их земля вот уже сорок веков является «исторической родиной» армян! А пригревший гадюку хозяин начинает в недоумении доказывать обратное. Таковы аспекты армянской национальной идеи и их проявления в геоисторическом аспекте.

Таким образом, переселение и поселение армян в Грузии было многоступенчатым процессом, образовавшиеся на протяжении истории и образовавшаяся диаспора этого народа, всегда действовали во вред грузинскому народу и государству.

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ И ПОСЕЛЕНИЯ АРМЯН В ГРУЗИИ

Литература:

1. Армянская историография с целью удревнения появления армянского народа на Южном Кавказе утверждает что: «Спустя 60-70 лет после падения Урарту в знаменитой Бехистунской трехязычной надписи персидского царя Дария I, относящейся к 520 г. до н. э., в двух ее—персидском и эламском—вариантах упоминается страна Дрмина, название которой в третьем—вавилонском варианте надписи, передано как Урарту (точнее Урашту, согласно фонетическим правилам вавилонского диалекта аккадского языка). Итак, Урарту превратилось в Армину. Если ранее Урме обозначало лишь один из уголков Армянского нагорья, то теперь происходящее от него название Армина применяется для обозначения территории Урарту, т. е. большей части Армянского нагорья. Таким образом, в 520 г. до н. э. мы встречаем упоминание армянского государства Армины, или, как именovali ее древние греки,—Армении. Однако, судя по ряду данных, оно возникло ранее, в начале VI в. до н. э., заменив собой государство Урарту, поскольку территория последнего уже была вовлечена в процесс образования армянского народа». Как видно армянские умы гениальны в своих творениях истории.
2. Удивился бы Тигран II при виде собственного владения в армянских картах XX-XXI вв.
3. Следует отметить, что в армянском языке много грузинских слов, на наш взгляд, это причина совместного проживания армян с местными грузинами в первоначальном этапе, с течением времени произошла ассимиляция, следовательно, в обиход армянского языка вошли грузинские слова.
4. В III в. до н. э. начался процесс распада огромного государства Селевкидов. Из этого государства постепенно начали выделяться отдельные страны и области, в которых образовались новые независимые государства эллинистического типа. В середине III в. до н. э. от Селевкидов отпали среднеазиатские области (Бактрия и др.). С другой стороны, на владения Селевкидов с запада надвигалась грозная сила — становившийся все более и более могущественным Рим. В начале III в. до н. э. борьба между Римом и Селевкидами приняла открытый характер. Военные столкновения селевкидского царя Антиоха III с римлянами начались в Греции, однако вскоре ареной борьбы стала Малая Азия. В 190 г. до н. э. при Магнесии войска Антиоха III потерпели жестокое поражение от римлян. Антиох в 188 г. был вынужден заключить мир с римлянами, согласно которому он отказывался от своих владений, находившихся к северу от Тавра. Это поражение Селевкидов еще более усилило процесс распада Селевкидской державы. Ряд бывших селевкидских наместников поспешили объявить себя независимыми. В частности, так возникли в непосредственной близости от территории Картлийского царства и других грузинских объединений первые самостоятельные армянские государства.
5. «Говорят, — отмечает Страбон, — что Армения, первоначально имевшая небольшие размеры, была увеличена Артаксием и Зариадрием, которые сначала были полководцами Антиоха Великого, а впоследствии, после его поражения, сделавшись царями — один в Софене, Акисене, Одомантиде и некоторых других (областях), а другой — в окрестностях Артаксат, — расширили (Армению), отрезав себе части (земель) у окрестных народов, а именно у мидян — Каспиану, Фавнитиду и Басоропеду, у иберов — склоны Парладра, Хорзену и Гогарену, лежащую по ту сторону Кира, у халибов и моссиников — Каренитиду и Ксерксену, которые граничат с Малой Арменией или даже составляют ее части, у катаонов — Акилисену и область по Антитавру, у сирийцев — Таронитиду...» (XI, 14, 5). См. Также: Очерки истории Грузии. Т., 1. - Тбилиси, 1989, с. 289.
6. Очерки истории Грузии. Т., 1. - Тбилиси, 1989, с. 289.
7. Юзбашян К.Н. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия IX-XI веков. - Москва, 1988, с. 4-6, 234.
8. К. Кекелидзе. Этюды из истории древнегрузинской литературы. - Тбилиси, 1956, с. 77-78.
9. Перемещение армян по Грузии продолжалось и при Сельджуках - в XI-XII веках.
10. Симеон Лехаца. Путевые заметки. Перевод с арм., - Москва, 1965, с. 145-146.
11. Киракос Гандзакети. История. Перевод с древнеармянского Т. И. Тер-Григорьяна. - Баку, 1946, с. 222.
12. Г. Маисурадзе. Очерки истории грузино-армянских взаимоотношений IV-XII вв. - Тбилиси, 2002, с. 129-130 (на груз. яз).
13. Г.Р.Мархулия. Армянская диаспора в Грузии и их антигрузинская деятельность. - Право и политология (Тбилиси), 2009, № 3(8), с. 71.
14. В армянской историографии годом упразднения Армянской государственности считается 1387 г., так как в этом году было упразднено Киликийское Армянское государство. (Об этом см.: Г.Г. Микаелян. История Киликийского Армянского государства. - Ереван, 1952). Киликия, расположенная на северо-восточном побережье Средиземного моря, и никакого отношения к нынешней Армении не имеет (она находится неподалеку от Африки и Европы.) С севера она опоясана горными хребтами Тавруса или Тавра, с юга—Средиземным морем; с запада граничила с Памфилией, а с востока — Аманскими (Черными) горами и Сирией. Однако появившиеся там переселенцы облюбовали местность, а впоследствии компактное армянское население посчитало, что живет не в Византии, а на территории древней Армении, таким же образом и на территории Грузии было ранее созданы армянские государства, однако соприкосновенность границ Грузии с Арменией водит в заблуждение не только зарубежных историков, но и грузинских.
15. З.Алексидзе. Армянские надписи атенского Сиони. - Тбилиси, 1978, с. 15 (на груз. яз).
16. Г. Гаприндашвили. Спелеистические проблемы исследования древнегрузинской культуры, пустыня Давида Гареджи. Исследования-Разыскания. - Тбилиси, 1985, с. 77-111.
17. Следует отметить, что здесь подразумевается не только территория современной Армении.
18. Памятники грузинского права. - Тбилиси, 1966, с. 58 (на груз. яз).
19. Киракос Гандзакети. История Армении. - Москва, 1976, с. 167.
20. А. Абдаладзе. Армянские рукописные сведения о Грузии XIV-XV вв. - Тбилиси, 1978, с. 75.
21. С. М. Григорян. Очерки истории Сюника IX-XV вв. - Ереван, 1990, с. 270.
22. Там же.
23. П. Иоселиани. Города, существовавшие и существующие в Грузии. - Тифлис, 1850, с. 72.

Гурам МАРХУЛИЯ

24. Г. Р. Мархулия. «Армянский вопрос» в прошлом и настоящем. - Мацне (Тбилиси), 2007, №1, с. 154.

25. Г. Р. Мархулия. Административная политика Российской империи на Южном Кавказе и вопросы армяно-грузинского антагонизма. - Тбилиси, 2004, с. 8.

26. Туркманчайским договором завершилась русско-персидская война 1826-1828 гг.

27. Договоры России с Востоком, политические и торговые. Собрал и издал Т. Юзефович. - Санкт-Петербург, 1869, с. 222.

28. Х. Вердиева, Р. Гусейн-Заде. «Родословная» армян и их миграция на Кавказ с Балкан. - Баку, 2003, с. 44.

29. Х. Вердиева, Р. Гусейн-Заде. «Родословная» армян, с. 42.

30. А. Шахатуния. Административный передел Закавказского края. - Тифлис, 1891, с. 169.

31. Г. Р. Мархулия. Из истории возникновения армянской националистической партии «Дашнакцутюн» и ее политики в отношении Грузии в 1918-1920 гг. – *«Исторические разыскания»*, II. - Тбилиси, 1999, с. 179.

32. Ш. В. Ломсадзе. Самцхе-Джавахети с середины XVIII в. по пятидесятые годы XIX в. - Тбилиси, 1975, с. 352-353 (на груз. яз.).

33. Л. Загурский. Поездка в Ахалкалакский уезд в 1872 г. (Из VIII книги записок Кавказского отдела Императорского русского географического общества). - Тифлис, 1873, с. 65.

34. Ш. В. Ломсадзе. Самцхе-Джавахети., с. 361.

35. Л. Загурский. Поездка в Ахалкалакский уезд, с. 66.

36. О. Ю. Захарова. Генерал-фельдмаршал Светлейший князь М. С. Воронцов. - Москва, 2001, с. 325.

37. В. Н. Иваненко. Гражданское управление Закавказьем (от присоединения Грузии до наместничества Великого князя Михаила Николаевича). - Тифлис, 1901, с. 303.

38. С. Эсадзе. Историческая записка об управлении Кавказом, Т. I. - Тифлис, 1907, с. 81.

39. В. Н. Иваненко. Гражданское управление Закавказьем (от присоединения Грузии до наместничества Великого князя Михаила Николаевича). - Тифлис, 1901, с. 303.

40. Чтобы не быть голословными в наших высказываниях, приведем цитату из работы А. Шахатуния: «...Царские чиновники, терпели грузинские и татарские (азербайджанские – Г.М.) уезды и губернии, но никак не хотели допустить образования армянских» (См. А. Шахатуния. Административный передел, с. 176).

41. И. Г. Чавчавадзе. Армянские ученые и вопиющие камни. - Тбилиси, 1994, с. 5 и след. на грузинском языке.

42. А. Церетели. Избранные произведения. Т. IV. - Тбилиси, 1990, с. 170.

43. Подразумевается Эрзерумский, Ванский, Битлисский, Диярбекирский, Элазизский, Сивасский вилайеты – предполагаемая территория новой Армении. Следует отметить, что территории этих вилайетов соответствуют историческим областям Грузии Хордзени и Периадра.

44. Александрополь – ныне Гюмри в Республике Армения. В советское время – Ленинакан.

45. М. Нейман. Армяне. - Ереван, 1990, с. 210.

46. Чтобы не быть голословными, приведем несколько

документов: так, 21 февраля 1914 года в Карсе и Ардахане армянскими бандитскими формированиями было убито 30 000 турок. Младенцев отбирали и бросали в огонь. Убийствам предшествовали зверские пытки. Одним из непосредственных организаторов этих убийств был идеолог уходящей в тень армянской террористической организации «Гнчак», депутат турецкого парламента Степан Тер-Даниэлян (См.: Преступления армянских террористических и бандитских формирований против человечества XIX-XXI вв. Краткая хронологическая энциклопедия. Под ред. Н. Мустафаева. - Баку, ЭЛМ, 2002, с. 46); В апреле 1915 года в Абааге были зверски убиты 10 000 чел.; (Преступления армянских..., с. 47-48); 6 мая 1915 года боевики армянской террористической организации «Дашнакцутюн», руководимые некими Арамом и Валером, учинили в городе Ване резню турок с целью создания моноэтнической территории. Армянские террористы в Ванской области истребили 3 000 мирных жителей (См. Дж. Алиев, Б. Будагов. Турки и армяне: «Геноцид» исторической правды. – Журн. «Азербайджан и азербайджанцы», № 5-6, 2002; Преступления армянских..., с. 48); 9 мая 1915 года в городе Битлис в результате бесчинств армянских формирований погибло 123 человека (Преступления армянских..., с. 48-49); 22 июня 1915 года в городе Ване армянскими бандами было уничтожено 5 000 человек (Преступления армянских..., с. 50-51); 8 мая 1916 года в городе Терджан дашнаками было убито 563 человека (Преступления армянских..., с. 50-51); 11 мая 1916 года в городе Малазгирд армянскими бандами зверски убито 20 000 человек. Истязаниям подвергались даже грудные дети, которых затем бросали в огонь (Преступления армянских..., с. 51); 22 мая 1916 года в городе Ване армянскими головорезами было задушено 1 000 младенцев. Столь жесточайшей расправы над детьми мир еще не знал. В результате учиненных армянскими боевиками бесчинств в городе погибло 15 000 человек. Трупам отрезали уши, носы, выкалывали глаза (Преступления армянских..., с. 51); 22 мая 1916 года турецкое селение Кеприкей было полностью уничтожено армянскими бандами. Погибло 200 человек (Преступления армянских..., с. 51); 22 мая 1916 года в селениях Ергел и Атьян было убито 8 000 человек (Преступления армянских..., с. 52); в июне 1916 года в городе Эдремид было убито 15 000 человек (Преступления армянских..., с. 53).

47. Г. Р. Мархулия. Административная политика, с. 43.

48. Г. Р. Мархулия. Армяно-грузинская конференция 1919 года и территориальный спор между Грузией и Арменией в 1919-1921 гг. – *«Исторические разыскания»*, V. - Тбилиси, 2002, с. 170.

49. Столица Грузии дашнаками объявлялась одним из центров восточно-армянской цивилизации.

50. Г. Р. Мархулия. Армяно-грузинская мирная конференция 1919 года и создание Лорийской нейтральной зоны. - Тбилиси, 2005, с. 5.

51. Д. Бердзенишвили. «Ахалкалаки Джавахетский». *Артануджи*. - Тбилиси, 1938, № 7. с. 69.

52. Ив. Джавахишвили. Границы Грузии. - Тбилиси, 1919, с. 37.

Summary

In different periods of the historical development of those or other nations it can remark convergent processes, witch resulted in an enormous human arrays directing, due to various reasons, to explore new territories. However, the resettlement - settlement of the Armenians to Georgia and Azerbaijan hade an purposeful political significance. In the article of Guram Marhuliya in detail is treating the historical aspects of the resettlement - settlement of the Armenians to Georgia.

Keywords: Human arrays directing, resettlement-settlement of the Armenians, processes, territories, political

International scientific journal
LAW AND POLITOLOGY

Международный научный журнал
ПРАВО И ПОЛИТОЛОГИЯ

№ 25

Порядок публикации и требования к оформлению статей научного журнала «Право и политология».

Для опубликования статьи в журнале необходимо предоставить в редакцию журнала публикуемые материалы в электронном виде в единичном экземпляре на любом из перечисленных носителей (CD-ROM, DVD-ROM, флэш-носитель) и на бумажном носителе в двух экземплярах. Публикации в журнале подлежат только оригинальные статьи, ранее не публиковавшиеся в других изданиях.

Объем публикуемых материалов не должен превышать, как правило, 20 страниц и 500 Кб.

Публикуемые в журнале статьи состоят из следующих элементов:

- сведения об авторе (соавторах), включающие в себя: Ф.И.О. автора (соавторов), ученая степень автора (соавторов), место работы или учебы автора (соавторов), должность автора (соавторов);
- основной материал (текст) статьи;
- краткая аннотация статьи (500-580 зн.), дающая общую характеристику работе (на русском и английском языках);
- фотография автора размером 4х6 см в электронной версии

Оформление сносок сквозное: в тексте указывается номер и страница научного источника (в квадратных скобках). Список литературы публикуется в конце, в порядке цитирования, согласно нижеуказанному примеру:

1. Алиев, Н. Г. Проблемы военного права Азербайджана. – Баку: Азернешр, 1999, с. 35.
2. Алмонд, Г. А., Верба, С. Гражданская культура и стабильность демократии. – Полис, 1992, № 4, с. 122-134.
3. Об утверждении Стратегии социальной интеграции лиц с ограниченными возможностями (2010-2013 гг.). Закон Республики Молдова № 169 от 9 июля 2010 г. – Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 2010, 12 октября, № 200-201, ст. 660.
4. Речь Президента Ильхама Алиева на политическом брифинге на тему «Европейский Союз и Азербайджан - новые способы сотрудничества», состоявшемся 19 мая 2004 года. – Азербайджан, 2004, 22 мая.
5. Mehdiyev, R. Goris-2010. Season of the theatre of the absurd. – Tbilisi: Universal, 2010. – 185 pp.
6. Осакская декларация по развитию туризма. – www.world-tourism.org.

Статьи, предлагаемые к публикации в журнале, проходят обязательное рецензирование. В качестве рецензента должен выступать как минимум один специалист, имеющий степень доктора наук по специальности данной работы. Содержание рецензии должно подтверждать, что данная статья содержит новые интересные материалы и заслуживает публикации. Решение о публикации статьи в журнале принимается сопредседателями редколлегии журнала.

Подписанно в печать: 10.09.2014

Формат 60×84 1/8

Объем 5,1 п. л.

Заказ № 34

Тираж 500

“Print-Caro” SRL, 2014
MD-2049, m. Chişinău,
str. Mirceşti 22/2
tel/fax /373 22/ 931-653